

Генрих Фольрат Шумахер
Береника

«Остеон-Пресс»

Шумахер Г.

Г. Шумахер — «Остеон-Пресс» ,

ISBN 978-5-85689-122-4

Роман немецкого писателя Г.Шумахера посвящен одной из наиболее трагических женских личностей мировой истории – иудейской царице Беренике, полюбившей римского полководца и государственного деятеля Тита. Их отношения вызвали волны критики, и Тит сурово отнёсся к злопыхателям. Титу выпало стать покорителем Иудеи и палачом народного восстания в стране, за что и на имя царицы также посыпались проклятия, как со стороны римлян, так и иудеев.

ISBN 978-5-85689-122-4

© Шумахер Г.
© «Остеон-Пресс»

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	34
Глава VII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Генрих Фольрат Шумахер

Береника

Глава I

Это было в первые дни месяца Шевата, в тринадцатый год правления цезаря Нерона, три с половиной месяца после того, как Иерусалим восстал и изгнал римлян. И теперь по всей стране раздавался один лишь всеобщий крик мести. От снежных вершин Гермона до пустыни Веерсебской, от истоков Ябока до моря бушевала гроза возмущения против римлян, и рокотание ее слышно было и в Олимпии, где повелитель мира, занятый своими жалкими актерскими успехами, бледнел под румянами от страха далекой угрозы. Буря слышна была и в Риме и заставляла дрожать потомков Гракхов. Казалось, воскресло для новой жизни время героев, время Деборы и Самсона, Саула и Давида, великое время Маккавеев. Весь Израиль стоял под оружием, а те, которые были на стороне чужестранцев, спасались бегством или притворялись ненавистниками римлян...

Наконец пришла весть, что Веспасиан, самый храбрый и опытный римский полководец, победоносный покоритель диких жителей Британии, прибыл в Птолемаиду. С ним пришло огромное войско, и он ждет прибытия Тита, своего сына, и его александрийских легионов, чтобы потом бросить святую землю под мечи своих легионеров.

Обитатели Птолемаиды были заняты оживленными спорами. Не было недостатка в темах. Римская армия и присутствие Веспасиана привлекли туда всех, кто имел какое-нибудь имя и положение в округе. Вчера в город явился Малихос, король арабов, со своими знаменитыми стрелками, а сегодня Соем, повелитель Эмесса. В ближайшем времени ожидали Тиберия Александра, управителя Египта. Агриппа, царь иудеев, уже некоторое время находился в городе.

– Царь иудеев? – насмешливо переспрашивал маленький Теофил, греческий торговец пряностями из ближайшего портового города. – Как этот Агриппа может себя называть царем страны, в которую наш победоносный цезарь ежегодно посылает наместников?

Его собеседник, римский судебный писарь Анний, придал своему лицу важное выражение.

– И все-таки Агриппа царь, – сказал он. – Цезарь Клавдий сам дал ему этот титул. Однако страну оставил себе. Впрочем, – прибавил он многозначительно, – бедняге, я полагаю, плохо придется...

– Это ты про Агриппу? Что ты этим хочешь сказать, Анний? Разве ему что-нибудь угрожает? – стали спрашивать другие.

– Разве вы не слышали, что жители Тира и Цезареи подали на него жалобу как на врага римлян? Схватили Юста из Тивериады, а, как известно, Юст личный секретарь Агриппы. Таким образом хотят выведать, кто был зачинщиком восстания в Тивериаде. Юст закован в цепи, и его завтра будут судить...

– Вот уж кого не жалко! Если бы к ногам Агриппы положили его голову, всей войне был бы конец, – сказал Боас, огромного роста кузнец.

– Рука палача тут не поможет, любезный Боас. Агриппа не имеет никакого влияния у иудеев, вот даже настолько, – засмеялся Теофил, дунув себе на ладонь. – Они не очень поблагодарили бы цезаря, вздумай он в самом деле передать ему власть. Знаешь, как они его называют? Портным, потому что он доставлял левитам полотняные одежды, или дровосеком, потому что рубил ливанские кедры, чтобы воздвигнуть новый фундамент для иерусалимского храма, или же, наконец, каменщиком, потому что он мостил улицы камнями.

– А еще что он делал?

– Еще? Ничего.

– Выскочка, – засмеялся кузнец. – Вот в самом деле великий царь!

– И опасный враг римлян! Ха-ха!

Собеседники дошли до большой площади. Одна ее сторона граничила с портовым кварталом, а другая, обращенная к крепости, была застроена дворцами знатных жителей города. Около одной виллы, построенной в греческом стиле, толпился народ.

– Что там происходит, Анний? – спросил Боас.

– Эта вилла, – ответил он, – принадлежит сестре Агриппы; ее ожидают сегодня вечером из Цезареи.

– Это ты про прекрасную Беренику, – воскликнул Боас, – супругу Полемона Понтийского?

– Она уже давно удрала от него, – сказал Теофил, вмешиваясь в разговор. – Славная семейка, эти потомки Ирода. Братец высасывает кровь у своих подданных, чтобы задавать пышные пиры, а сестрица его, Береника, бесстыднее Клеопатры и Мессалины.

– Ты лжешь, грек! – крикнул с бешенством Боас. – Береника благочестивее всех жен иудейских. Я сам в этом убедился, когда весной прошлого года служил в Иерусалиме кузнецом при коннице Флора. Она произнесла обет благочестия, и ей при всех остригли в храме ее великолепные волосы.

– Остричь волосы! – воскликнул Теофил. – Какая глупость!

– Я еще видел ее, когда она молила пощадить свой народ Гессина Флора, иерусалимского наместника. Босая, в разорванном платье, она пошла навстречу пьяному Флору, который с руганью оттолкнул ее. Что за женщина! Мои глаза никогда не видали ничего более прекрасного!

– Однако, – насмешливо возразил грек, – парки уже довольно долго прядут нить ее жизни; ведь она только на год моложе Агриппы.

– Агриппа! – презрительно воскликнул Боас. – Ночи, проведенные в кутежах, отпечатались на его лице. У Береники же, – восхищенно продолжал он, – нет ни складочки. Сама Афродита дала ей это лицо. Как сияющее солнце светит ярче бледного месяца, так она светит ярче всех, даже самых молодых красавиц!

Со стороны галилейской караванной дороги послышался шум, разговор прервался. Караван Береники вступал в город. Пестро разодетые нумидийские всадники и скороходы открывали шествие. За ними шел конвой в сияющих золотом и серебром латах, а потом следовали двадцать арабских коней, подкованных золотом. Их вели конюхи. Затем, в двухстах роскошных колясках, следовала свита царицы: женщины, врачи, чтецы, актеры, домашние жрецы...

– Клянусь Юпитером, – воскликнул Боас, с изумлением глядя на пажей царицы, – я никогда не видал таких лиц! Скажите, друзья, откуда родом эти юноши?

Никто не мог ответить на его вопрос. Остроты глазающей толпы доказывали, что это новейшее изобретение Рима еще не дошло до Востока. Для греческого торговца это было первым предлогом показать свое превосходство.

– Они такие же люди, как и мы, – стал он объяснять, громко. – Но только им наклеили тесто на лица, чтобы уберечь кожу от холода и жары.

Оглушительный хохот последовал за его словами. Боас с изумлением глядел на них, а Теофил насмешливо аплодировал.

– Я все беру назад, – кричал он, подмигивая Боасу, – что сказал против Береники. Береника набожна, говорит Боас, очень набожна. Ага, да вот и ослицы Поппеи. И у нее они есть!

– Ослицы? Поппеи?

– Ну да. Поппеи, прежней супруги нашего божественного цезаря. Она открыла, что ежедневная ванна в молоке ослиц дает неувядаемую красоту. Береника следует ее примеру. Истинно королевская затея! Да этих ослиц по крайней мере шестьсот штук. Если бы Поппея была жива, она велела бы задушить иудейскую царицу, потому что она сама могла себе позволить только каких-нибудь жалких пятьсот ослиц...

В эту минуту пронесли носилки, занавески которых были так плотно задвинуты, что невозможно было увидеть, кто в них находился.

Теофил, стоявший впереди других, сказал:

– Кто знает, может быть, в этих носилках сама благочестивая Береника в тоске ломает нежные руки, скорбя о поправном величии своего безумного народа и о пошатнувшемся храме своего капризного Бога.

Боас нахмурился.

– Эй, ты! Побереги свой язык, назойливая оса! Бога иудеев почитают даже в Риме, и Веспасиан послал ему жертвы и дары.

– И все-таки он затеял против него войну?

Замечание это было столь метким, что кузнец ничего не смог ответить. Ему только захотелось вместо ответа опустить всю тяжесть своих могучих кулаков на голову маленького грека.

В самом конце шествия, в разорванных одеждах, посыпав пеплом распущенные волосы, шла высокая, стройная, величественно-прекрасная женщина, опустив вниз покрытую платком голову.

– Береника! – воскликнул кто-то.

Толпа молча смотрела на нее.

Резкий голос греческого торговца вдруг нарушил эту тишину:

– Это она оплакивает свой народ, своего Бога, римляне! На ваших же глазах. Это насмешка над Римом! Зачем она явилась сюда? Каменьями ее, каменьями!

Толпа заволновалась, тысячи голосов повторяли страшный крик:

– Каменьями ее! Каменьями!

Береника остановилась, презрительная усмешка появилась на ее губах. Она, казалось, ждала первого камня...

В эту минуту со стороны крепости раздались мерные шаги военного отряда. Все отступили. И только когда впереди показался воин в простом вооружении и пошел навстречу Беренике, напряжение разрешилось тысячеголосым криком:

– Да здравствует Флавий Веспасиан! Слава великому полководцу! Слава вечному Риму!

Береника упала на колени и с мольбой протянула к нему руки. Он быстрым взглядом окинул пышность и богатство ее шествия, и на его суровом лице мелькнула улыбка. Он поднял Беренику и повел ее в крепость. У входа он остановился и посмотрел вверх ликующей толпы на то место, где стояла на коленях Береника. Это казалось ему хорошим предзнаменованием: так же будут склоняться Иерусалим и Иудея перед Римом...

Глава II

– Саломея, сестрица, о чем ты опять думаешь? – спрашивала девочка лет четырнадцати, просунув тонкую головку с непокорными завитками на лбу в дверь женской половины дома.

– Это ты, Тамара? – спросила она, и звук ее голоса странно гармонировал с неподвижным, безжизненным выражением полужакрытых глаз на ее мертвенно-бледном лице.

– Я тебе не помешаю? – сказала девочка, проскользнув в комнату. – О, злая! – проговорила она с упреком, падая к ее ногам и обнимая ее. – Ты опять грустила. Почему? Разве ты не молода? Ты не больше чем на год старше меня. Хороша ли? Да рядом со мной ты как солнце рядом со скромной звездочкой. Умна ли? Недаром ты в этой огромной шумной Птолемаиде с ее чужестранцами, стекающимися отовсюду, научилась всем обычаям мира.

А я в нашей тихой горной Гишале только тогда видела и слышала о чем-нибудь новом, когда к нам являлся старый, угрюмый приятель отца купить масла для своих соплеменников, живущих среди язычников. Но я бы не хотела с тобой поменяться, если от красоты и ума глаза твои глядят так, грустно, губы твои так редко улыбаются!

Саломея провела рукой по ее разгоряченному личику.

– Да сохранит тебе Бог твой веселый нрав, – мягко прошептала она. – Но меня ты не брани, я не родилась для радости.

Девочка весело засмеялась.

– Ты опять говоришь, как во сне, Саломея?

– Нет, это не сон, дитя. Разве ты забыла, что я испытала в жизни. Всем, кто относился ко мне с любовью, судьба приносила лишь зло. Это началось уже с моего рождения. Моя мать, сестра твоего отца, поплатилась за мое рождение смертью. Когда я была ребенком и играла с другими детьми на улице, я чуть не попала под лошадей мчавшейся римской конницы. Мой единственный брат увидел это, оттолкнул меня в сторону, и сам был растоптан безжалостными копытами. Тело его превратилось в бесформенную массу, и мы его даже не смогли узнать. Потом, по желанию отца, я стала невестой уважаемого члена нашей колонии, знатока веры, Иакова бен Иуды. В день нашей свадьбы, когда я уже готовилась к венцу, на нас напали язычники из Птолемаиды. Моего жениха забили среди площади камнями, а мой отец еще не излечился до сих пор от раны, которую ему нанес мечом языческий юноша, преследовавший меня своей любовью. Вот что было и что будет еще?

Она говорила это печальным голосом, влиянию которого не могла не поддаться даже веселая Тамара.

– Да, нам плохо пришлось, – ответила она серьезно, – когда язычники напали на нас. Все улицы покрыты были трупами, и я еще и теперь вся дрожу, вспоминая это ужасное зрелище. Но все-таки, – поспешила она прибавить, заметив, что Саломея снова впадает в задумчивость, – разве не безумие скорбеть о прошлых горестях, когда будущее предстает перед нами в таком радостном свете? Радуйся, дорогая, жизнь твоего отца спасена, и мы оставим этот безбожный город, как только он сможет отправиться в путь, и придет за нами мой брат Рэгуель. А в Гишале, в доме моего отца, на чистом воздухе наших гор, твое лицо снова расцветет, и ты снова станешь петь веселые песни...

Саломея покачала головой.

– Никогда.

– Подожди, неверующая! – воодушевилась девочка. – Вот увидишь, я окажусь правой. Или скажи мне: Ты его очень любила?

– Кого?

– Твоего жениха?

Саломея взглянула на нее с некоторым удивлением.

– Любила? – Она произнесла это слово задумчиво как бы про себя. – Он был достоин уважения и был предназначен мне отцом. Как же мне было не любить его?

Девочка откинула с досадой головку назад.

– Ты не хочешь меня понять, Саломея. Уважение и любовь, разве это то же самое? Вот, например, у нас есть в Гишале старый Ионафан бен Садук, богатый и очень почтенный человек. Когда он приходит к отцу, он мне приветливо улыбается, хлопает меня по щеке, приносит мне иногда цепочку или пряжку. Я его уважаю, очень уважаю. Но любить? Он горбат, косой, у него скверные зубы. Поцеловать его? Брр...

Она так смешно скорчила гримасу от отвращения, что на губах Саломеи невольно показалась легкая улыбка.

– А что же ты называешь любовью, Тамара? – спросила она, бессознательно поддаваясь легкому тон болтовни девочки.

Лицо Тамары приняло задумчивое выражение.

– Любовью? Он должен быть беден, совсем беден как Иов, а я богата, как Соломон. Тогда я взяла бы большой-большой мешок, наполнила бы его серебром, золотом и драгоценностями, пошла бы к нему и сказала вот, бери, все это твое. Разве он не поверил бы, что я его люблю?

– Ты его, да. А он тебя? Что, если он любит не тебя, а твое богатство?

Девочка опустила головку с печальным видом.

– Да, да. Это бы, пожалуй, выглядело, как будто я его купила. Ну, а как ты думаешь, если бы я была прекрасна, прекрасна, как Далила, и все мужчины лежали бы у ног моих и он также, а я пошла бы к нему и сказала: бери, вся моя красота твоя?

– А будет ли он тебя любить, когда ты станешь старой и уродливой?

– Старой и уродливой? Правда, – сказала она, озабоченно. – Одна красота еще не создает настоящей любви. Мне нужно еще быть мудрой, как царица Савская. А он тоже должен был бы быть не глупым, простым, добрым человеком. И если бы я писала стихи про него и книги....

– Так он бы даже тебя не понял, дурочка. Бремя твоей мудрости придавило бы его к земле...

Темные глаза Тамары засветились гневом.

– Не понял бы меня! – воскликнула она, вскакивая, топнув ногой. – Тогда бы он был глуп, как... Ах, да, – прибавила она, успокоившись, – боюсь, ты права: мужчинам менее всего нужна умная женщина. Что же тогда любовь? Впрочем, я знаю.

– Ну, что?

– Любовь... Это безумие и величие, глупое и мудрое, смешное и серьезное, необъяснимое... О ней нельзя говорить, а можно только петь!

Она быстро проговорила все это, потом схватила цитру со стены, взяла несколько аккордов и пропела свежим, чистым голосом:

Для любви не нужно красоты, ума:
Счастье приносит нам любовь сама.
Нужно от блаженства про весь мир забыть,
Нужно только нежно, горячо любить...

Она хотела закончить веселым смехом, но ее голос вдруг дрогнул, так что Саломея с изумлением взглянула на странную девочку, которая неподвижно остановилась посреди

комнаты и глядела куда-то широко раскрытыми глазами. Вдруг Тамара вздрогнула и, выронив цитру, упала на ковер с судорожным рыданием.

Саломея с испугом поднялась с подушек и наклонилась над плачущей девочкой.

– Что с тобой, дитя? – спросила она с искренней тревогой. – Доверься мне, ты знаешь, у тебя нет более верного друга, чем я!

Ласковые слова ее возымели свое действие, Тамара подняла голову и положила ее на колени Саломеи.

– Я так несчастна, так несчастна! – шептала она со слезами в голосе.

– Кто обидел моего милого, маленького жаворонка?

Слабая улыбка показалась на скорбном личике девочки и искривила тонкие губы.

– Твой жаворонок! Ах, Саломея, – снова вздохнула она. – Твой жаворонок уже не будет петь больше. Разве ты не заметила? Даже эта маленькая глупая песня застряла у меня в горле. Вся веселость моего сердца исчезла, вся беззаботность прошла. Ты удивляешься и качаешь головой. Ты этого не заметила, говоришь ты. Поверь мне, я только представлялась веселой. Я не хотела показать тебе, как горько у меня на душе. Ты улыбаешься? О, если бы ты знала, Саломея!..

Она замолчала, как будто испугавшись чего-то страшного, и вся покраснела до корней волос.

– Но я не могу переносить одна все это, – снова сказала она. – Я должна говорить, если бы даже в этом была моя гибель – иначе у меня разорвется сердце!

– Да говори же, родная, говори!

– И ты не станешь смеяться надо мной, Саломея?

– Нет.

– Может быть, это покажется тебе детским, а все-таки...

Она опять остановилась в нерешительности и потом вдруг обняла подругу и сказала едва слышным голосом:

– Если бы ты знала, как я его люблю...

Саломея почувствовала, как задрожало хрупкое тело девочки.

– Скажи мне все, – прошептала она. – О ком ты говоришь? Я его знаю?

– Знаешь ли ты его, Саломея? Еще бы, конечно, знаешь. Мы обе обязаны ему спасением.

Саломея вздрогнула и широко раскрыла глаза, а щеки ее еще больше побледнели.

– Обязаны ему спасением? – повторила она.

– Ну да, разве ты не помнишь тот вечер, когда Веспасиан въезжал в Птолемаиду. Плотно закутавшись, мы пошли в портовый квартал, к Симеону, врачу нашей колонии, взять у него бальзама, масла и пластырь для твоего отца. На обратном пути, проходя мимо дворца городского управителя, мы вдруг натолкнулись на нескольких римлян с факельщиками впереди. Это были, по-видимому, знатные люди; за ними шла большая толпа клиентов.

– Это был Этерний Фронтон, приятель и вольноотпущенник Тита.

– Да, очень грубый, невоспитанный человек. Он, вероятно, возвращался с пирушки и качался из стороны в сторону. Мы хотели проскользнуть мимо них, как вдруг ты споткнулась.

– Об один из тех камней, – мрачно прибавила Саломея, – которыми незадолго до этого бросали в людей нашей общины.

– Пузырек с бальзамом, – продолжала Тамара, – выпал у тебя из рук, ты нагнулась, чтобы поднять его, твое покрывало откинулось, и свет факела осветил твое лицо Этерний Фронтон устремил на тебя свой взгляд, как на небесное явление. Глаза его засверкали, и он с отвратительным смехом схватил тебя за руку и потянул к себе. Ты молча сопротивлялась,

я же забыла всякую предосторожность, забыла, что нам, евреям, угрожает смерть за обиду римлянина, и бросила повесе пластырь в покрасневшее лицо.

Она на минутку замолчала и, несмотря на свое грустное настроение, засмеялась при воспоминании об этом.

– Он зарычал, как тигр под ударом кнута, и велел своим людям схватить нас. И тогда в эту минуту, когда грубые руки рабов уже хватали нас, тогда появился он!

– Флавий Сабиний!

Саломея выговорила это имя так странно, что Тамара посмотрела на нее с изумлением. В голосе ее чувствовались и ненависть, и тайное влечение, и глубокое отчаяние...

– Флавий Сабиний, – повторила Тамара тихо, – как он был прекрасен тогда, когда воодушевленный благородным гневом он встал между нами и рабами. Как мужественно звучал его голос, сколько величия было в его осанке! Дерзновенные преклонились перед ним, как слабые колосья перед надвигающейся бурей. Даже надменный Фронтон должен был принудить себя скрыть под беззаботной улыбкой досаду на помеху, но я видела по его дрожащим губам, как он был взбешен, и мне было бы страшно за нашего спасителя, если бы он сам не был племянником Веспасиана. Но когда Флавий Сабиний, – она густо покраснела, когда называла это имя, – повернулся в нашу сторону, как он вдруг изменился! В нем исчез повелительный тон, с которым он обращался к рабам. Это был кроткий защитник угнетенных, добрый покровитель женщин. Как он был добр, когда провожал нас в дом твоего отца, и как деликатно избегал упоминать об этом отвратительном происшествии. Я не понимала тебя, Саломея. Ты шла безмолвная, задумчивая рядом с нами и предоставляла мне отвечать на его вопросы. Ни единым словом ты его не поблагодарила, когда он прощался у наших дверей, и я сердилась на тебя за твою холодность...

Она остановилась, как бы давая возможность подруге оправдаться от упрека, прозвучавшего в ее словах, но Саломея молчала, и на ее прекрасном лице было то же замкнутое выражение, как и прежде Тамара посмотрела на нее с осуждением.

– И если бы ты знала, – заговорила она с воодушевлением, – как много он меня спрашивал потом о тебе. Я его видела два раза после того. Если бы ты знала, что все мы, твой отец, ты и я, обязаны нашей безопасности среди этого враждебного кровожадного народа только его заступничеству перед Веспасианом, ты бы, наверное, не была столь равнодушна и безучастна, Саломея!

Саломея внезапно преобразилась. Все ее тело задрожало, как будто эти слова ее смертельно ранили. Схватив судорожным движением Тамару за руку, она подняла ее с ковра и потянула за собой к узкому решетчатому окну. Она отдернула занавески, впуская свет зимнего солнца, и заговорила, задыхаясь от душившего ее волнения:

– Ты говоришь, я равнодушна и безучастна, Тамара, потому что я не внимала вкрадчивым словам римлянина? Да знаешь ли ты, каковы римляне?...

– Боже мой, Саломея, что с тобой? – бормотала девочка, с ужасом глядя на побледневшее, горевшее страстью лицо Саломеи.

– Слушай! – резко оборвала та. – Не время теперь для легкомысленной игры в любовь. Разве ты никогда не думала о том, почему Иоанн-бен-Леви, твой собственный отец, который может жить в богатстве и спокойствии, который болен и имел полное основание оберегать свое тело, почему он беспокойно мечется из города в город, почему он, миролюбивый купец, взял меч в руку, чуждую битвы? Разве ты не обратила внимания на то, что дети Израиля ходят с помутившимися глазами, озабоченными лицами, и ни одного слова веселья не слышно в их домах? Посмотри, как мать прощается с сыном, который уходит на несколько часов из дому. Она плачет и молится, не зная, увидит ли его вновь. И неужели ты ничего не знаешь о событиях в Иерусалиме, святом городе, и во всей стране? Из-за чего все это? Хочешь, я скажу тебе?

Она подвела изумленную девочку к окну.

– Видишь, вот Кармель, Божья гора. В течение целых веков Всевышний обитал в уединенном величии этой священной кущи. Туда Элия призывал народ пред лицо Божье и выстроил алтарь. И что же? Святилище покинуто, и если теперь кто-нибудь и подходит к нему, так это нечестивый язычник, вопрошающий о низменных личных интересах. Где верующие, которые прежде ходили поклоняться туда? Кто изгнал их огнем и мечом? Римляне... А там, видишь, огромный сад с могильными камнями и мавзолеями – прежде там было мало могил, Божья рука хранила и благословляла жителей Птолемаиды, а теперь – камень на камне, могила на могиле, не найдешь и местечка для могилы маленького ребенка. Все еврейское население Птолемаиды перебралось на кладбище, и все они, немые обитатели этого подземного города мертвых, носят следы на своих телах. У одного тяжкая рана в груди, у другого голова пробита бревном, упавшим с горящего дома, у другого поломаны кости от града камней, которые бросала толпа. Кто убил их, спросишь ты? Римляне. Римляне убили моих отца и мать, брата и сестру, убили самое священное – моего Бога, и я – чтобы я полюбила римлянина?

Она высоко подняла руки и произнесла:

– Великий Бог, бог мести, властитель и судья мира! Восстань и отомсти надменным, как они того заслужили! Как долго будут гордиться эти нечестивцы и радоваться своим злодеяниям? Они уничтожили твой народ и надругались над твоим наследием. Они душат вдов и умерщвляют сирот. Отлично, говорят они, нужно истребить их, чтобы они не были больше живым народом, чтобы исчезло имя Израилево. Они заключили союз против Тебя и говорят: Господь этого не видит и Бог Иакова не обращает на это внимания. Но горе вам! Те, которые надеются на Господа, не падут, а будут вечны, как крепость Сиона. Иерусалим окружен горами, и Господь охраняет собой свой народ, и Он, Праведный, разрубит все нити нечестивцев, и позор покроет тех, кто восстал против Сиона. Господи, защитник мой! Из глубины души молю Тебя, поступи с ними, как с мидийцами, как с теми, которые были уничтожены в Эндоре и стали грязью земной. Пусть властители их будут, как Себа и Сальмуна, которые говорили: завладеем домами Божьими. Как огонь пожирает лес, как пламя зажигает гору, так покарай их, и пусть лица их покроются позором, чтобы они все более и более ужасались в душе и погибли в унижении. Тогда они узнают, что власть Твоя велика, что Ты единый и высший властелин мира!..

Она остановилась в изнеможении, и вдруг – как будто бы Бог хотел дать понять, что он услышал ее мольбу, – внезапно засверкала молния и за ней последовал грохочущий удар грома. Из облака, висевшего над вершиной Кармеля, с внезапной быстротой разразилась ужасающая буря. Над морем и городом раскинулась непроницаемая тьма, лишь на минуту озаряемая синевато-желтым блеском молний, которые прорезывали пламенными полосами горизонт.

Тамара опустилась на пол и плотно прижала руки к лицу. Ей было страшно и бури, и горячности пламенных слов Саломеи. Она чувствовала себя такой несчастной в этот момент. Она уже не думала о Флавии Сабинии, прекрасном юноше, который победно овладел ее невинным сердцем.

Саломея думала о нем, прикладывала сжатые руки к горячему лбу.

* * *

Серебристая мгла уже поднималась с Кишона там, где Вадди Мелек приносит ему весенние воды с галилейских гор. Нарастая и вздуваясь, она покрывала тихую зеленую равнину на берегу, поднимаясь к бледному небу и вступая в борьбу с близящимся светом дня. Уже первые лучи его покрывали розовым светом вечные снега Гермона, и утесы могучего

Чермака окутывались пылающим пламенем. Вершин Кармеля лучи касались мягким поцелуем и спускались полосами к морю, шумящему тихо, словно сквозь сон.

Часовой у галлилейских ворот Птолемаиды открыл тяжелые железные ворота и вышел, чтобы оглянуть дорогу утомленными глазами. Все было тихо, только издали, сквозь туман, слышался надвигающийся грохот колес и тяжелое дыхание лошадей.

– Деревенский люд, – бормотал солдат про себя. – Приехали взглянуть на въезд Тита. Глупый народ. Они рады даже врагу, если только он окружен блеском.

Он остановился и стал вслушиваться. Ему послышалось, что кто-то стонет от боли. Он тверже ухватился за копьё, оправил ремень щита на плече и стал вглядываться в густые кусты, окаймлявшие дорогу. Звуки, казалось, исходили оттуда.

Вдруг все затихло, и солдат уже подумал, что он ошибся, но вот снова до него долетел звук, на этот раз, несомненно, похожий на предсмертный стон. Он осторожно подошел и раздвинул копьём кусты.

Там, лицом вниз, зарывая руки в землю от боли, лежал старик. Его длинные белые волосы слиплись от крови, простое крестьянское платье было разорвано. Солдат перевернул его концом копья, чтобы взглянуть ему в лицо. Глаза старика уставились на него остекленевшим взглядом, потом в них появился страх при виде римского вооружения, и он попытался подняться, но ноги не слушались его. Рана в плече его была слишком глубока, и потеря крови его обессилила. Он со стоном откинулся назад, и глаза его снова затуманились.

– Иудей, – презрительно сказал солдат, и хотел вонзить острое копьё в грудь несчастного. Но потом передумал. – Да ему и так скоро конец. Жаль блестящей стали. От крови она ржавеет, а Сильвий, наш декурион, и так сердит на меня с тех пор, как Веспасиан на последнем смотре заметил пятно на моем шлеме...

Он сдвинул снова кусты над раненым и вернулся к воротам. Через несколько минут со стороны города к воротам подъехала небольшая группа всадников. Во главе ее был высокий молодой человек в белой тунике, на которой алела широкая пурпурная полоса – знак сенаторского звания. Ноги его были обуты в черные сандалии, стянутые четырьмя ремнями и украшенные золотой пряжкой в форме полумесяца.

– Сам Флавий Сабиний, префект ночной стражи, – воскликнул солдат и быстро ударил копьём о металлическую полосу, висевшую у ворот. Потом он вышел на середину ворот.

Воины выстроились в боевом порядке, а Сильвий, их декурион, выступил на несколько шагов вперед, чтобы передать префекту пароль.

– Удали твоих солдат, – повелел префект. – Мне нужно переговорить с тобой о важном деле.

Когда декурион исполнил поручение, Сабиний отошел.

– Надеюсь, друг, я могу довериться твоей преданности.

Сильвий приложил руку к груди и поклонился.

– Моя жизнь к твоим услугам, господин, – ответил он просто.

– Даже если мои повеления опасны и трудны?

– Повелевай.

– Так слушай. Сегодня или, может быть, завтра будет просить входа в эти ворота один иудей, молодой человек с тонким лицом, одетый в платье галилейского купца; с ним будут два спутника. Тыпустишь его, но только ночью и так, чтобы никто не видал. Тогда же проводи его прямо ко мне и вели дать мне знать через Лепида, моего раба, если меня не будет дома.

– А если чужестранец откажется от моих услуг? Ты ведь знаешь, как иудеи нам, римлянам, не доверяют?

– Тогда шепни ему одно имя, и он последует за тобой.

– Какое имя, господин?

Флавий Сабиний оглянулся на свою свиту. Они были достаточно далеко, и все-таки префект наклонился к декуриону и чуть слышно шепнул ему.

– Иоанн из Гишалы.

Сильвий отшатнулся с ужасом.

– Галилейский мятежник?! – воскликнул он. – Ты хочешь оказать содействие приверженцу врага римлян?

– Не так громко, Сильвий, – тревожно сказал префект. – Конечно, это так, как ты говоришь, но ведь дело идет о войне. Сюда явится Регуэль, сын Иоанна. Ты поражен? Пойми, в чем дело. Помнишь, мы как-то бродили с тобой по улицам Клавдиевой колонии?

– Да, и ты скрылся потом в саду Иакова бен Леви, еврея, торгующего оливковым маслом, – сказал Сильвий с усмешкой. – Я ведь тогда был верным часовым, охранявшим Флавия Сабиния, которого ждали там нежные девичьи объятия...

– Да ты разве знал? – пробормотал Флавий удивленно.

Сильвий усмехнулся.

– Римский солдат, – сказал он шутливо, – имеет не только глаза, чтобы видеть, но и уши, чтобы слышать. А сквозь шелест листьев мне слышался иногда серебристый девичий смех.

– Я этого не отрицаю, – ответил Флавий Сабиний, – да, я там виделся с иудейской девушкой. Как это случилось, я тебе объясню потом. Моя просьба имеет отношение к той девушке. Регуэл, сын Иоанна из Гишалы, ее брат.

– А он едет за ней...

– Да. Если бы жители Птолемаиды или кто-нибудь из любимцев цезаря узнали, что дочь мятежника среди нас....

Он не договорил. Его лоб нахмурился при мысли об опасности, которой подверглись бы Саломея и Тамара, если бы Этерний Фронтон узнал о них.

– Если девушка красива, тем хуже. Иудейки в цене. Потому, господин, поторопись спрятать для себя красотку, – посоветовал Сильвий.

Флавий Сабиний изумленно взглянул на него. Внезапная краска залила ему щеки.

– Не полагаешь ли ты, что у меня что-нибудь дурное в мыслях? Помоги же мне...

Вдруг с другой стороны ворот послышалась громкая перебранка. Они поспешили туда.

Старик, лежавший в кустах, дотащился до часового и там опять упал в изнеможении. Солдат с ругательствами ударил его копьем, чтобы заставить его подняться: приближалось идущее из города длинное шествие. Посредине шли рослые рабы и несли открытые носилки. В них Флавий Веспасиан отправлялся в укрепленный лагерь ожидать прибытия своего сына Тита. По донесениям, принесенным гонцами, Тит должен был вскоре прибыть по дороге, шедшей вдоль морского берега из Александрии, через Пелузий, Газу, Ябнеель и Цезарею.

– Прочь с дороги, иудейская собака! – выругался солдат и всадил конец копья в ногу старика, который вскочил, захрипев от боли. – Если бы я знал, что ты, как и все ваше гнусное племя, живуч, как кошка, я бы уже давно своим копьем избавил тебя от мучений...

Он собирался нанести второй удар копьем, но Флавий Сабиний удержал его.

– Как ты смеешь, Фотин? – крикнул префект, дрожа от гнева. – Разве ты не знаешь, что Веспасиан справедлив ко всем.

Солдат с изумлением взглянул на него.

– Но, господин, – сказал он удивленно, – ведь это иудей.

– Будь он тысячу раз иудей, он все-таки человек. И вот что я тебе скажу. Если ты хочешь уберечь себя от фустуария¹, возьми этого иудея, которого ты так презираешь, и отнеси в караульный покой. Там я перевяжу его раны.

– Я свободный гражданин, – проворчал Фотин, заложив руки за спину.

¹ Позорное наказание, состоявшее в ударах плетью. В мирное время ему подвергали только рабов

Лицо префекта побагровело.

– Ты солдат, и теперь военное время! Отними у него оружие, Сильвий, – приказал он. – И скажи Центуриону, чтоб его отправили таскать тюки...

Сабиний наклонился к раненому; только слабое дыхание обнаруживало присутствие жизни в теле.

Префект позвал декуриона, чтобы с его помощью поднять умирающего. В этот момент Фотин бросился вперед, упал на колени среди улицы и, воздев руки, стал кричать.

– Правосудия! Правосудия!

Веспасиана в это время проносили в носилках через ворота. Услышав крик, он приподнялся и спросил, в чем дело. Флавий Сабиний подошел, чтоб дать ему объяснение.

Полководец выслушал его, не прерывая. Потом легкая усмешка показалась у него на губах.

– Фотин, – сказал он солдату, – ты заслужил наказание за непослушание начальнику, за это ты восемь дней будешь есть ржаной хлеб вместо пшеничного. Но все-таки твое усердие похвально, и за ненависть к врагам я дарю тебе это запястье. Большую цепь ты можешь заслужить себе в бою...

Он снял золотое запястье и отдал его солдату, который гордо выпрямился и бросил торжествующий взгляд на префекта.

– Не забывай, племянник, что полководцу не следует подавлять ненависти своих воинов к врагам, – сказал Веспасиан.

– Прости, дядя, – ответил Флавий Сабиний, и губы его задрожали от негодования, – я не знал, что мы ведем войну со стариками, женщинами и детьми.

Из носилок послышался смех. Посмотрев в ту сторону, префект заметил Этерния Фронтон, который ехал с полководцем.

– Неужели ты так презираешь жриц Афродиты, Флавий, – воскликнул вольноотпущенник. – Не забывай, что Елафродит, покровитель учителей истории, рассказывал нам про иудейку Юдифь, которая отсекла голову Олоферну. Но я знаю, ты недоступен стрелам Эрота. Минерва и мудрость греческих философов слишком опутали твой разум и в сердце твоём нет места восторгу перед поясом, головной повязкой, а тем более запястьем красивой девушки...

Флавий понял его намек на свое ночное приключение с Тамарой и Саломеей, но был слишком горд, чтобы отвечать в том же тоне. К тому же все его внимание было поглощено раненым, которому Сильвий пытался влить в рот глоток воды. Старик очнулся и растерянно глядел на воинов, окружавших его. Он вдруг поднял обе руки, потом произнес несколько бессвязных слов:

– Иоанн из Гишалы! Они идут, они идут! – И со стоном упал на руки Сильвию.

Веспасиан приподнялся, и глаза его засверкали.

– Иоанн из Гишалы, – проговорил он. – Не его ли Марк Агриппа называл самым деятельным врагом Рима?

Этерний Фронтон утвердительно кивнул.

– Позволь мне, господин, – сказал он, – остаться и заняться раненым. Это несомненно шпион, подосланный врагами...

Веспасиан, соглашаясь, кивнул. Фронтон, однако, не уходил.

– Ну что еще? – нетерпеливо спросил Веспасиан, давая знак продолжать путь.

– Может быть, ты сочтешь удобным, чтобы Флавий Сабиний взял на себя должность чтеца. Вспомни, что я говорил тебе о его слабости к иудеям...

Их глаза на мгновение встретились, потом вольноотпущенник вышел из носилок.

Веспасиан позвал префекта.

– Прошу тебя, племянник, – ласково сказал он, – побудь со мной и помоги мне справиться с несколькими делами.

– А Этерний Фронтон? – спросил Флавий Сабиний, едва сдерживая свое неудовольствие.

– Я ему поручил исследовать это дело, – холодно сказал полководец.

Префект должен был повиноваться желанию дяди.

– Будь осторожен, – прошептал он Сильвию, проходя мимо него. Потом они сели в носилки рядом с Веспасианом. Шествие двинулось вперед.

Сильвий обернулся к вольноотпущеннику и, указывая на иудея, спросил:

– Что прикажет Этерний Фронтон?

Тот наклонился к раненому.

– Он недолго протянет, – сказал он. – Отнесите его в караульный покой, а ты, Сильвий, приведи скорее врача. Нужно чтобы он очнулся, а говорить уж я его заставлю...

Глава III

– Не понимаю тебя, Береника, зачем ты так прямодушна с Веспасианом? Ты ведь понимаешь, в каком опасном и двойственном положении очутились я и весь мой дом из-за этого мятежа.

Береника пожала своими белоснежными плечами, выступавшими из платья с глубоким вырезом, и даже не переменила положения.

– А кто же, если не ты сам, поставил себя в это положение? Нужно было или встать полностью на сторону римлян и всеми силами подавить восстание в самом зародыше, если это было возможно, или же нужно было последовать моему совету, и встать на сторону своего народа, поднять всех против дерзкого вторжения Рима и самому в конце концов возложит на себя корону Азии...

– Опять ты с этими дерзкими замыслами?

– Чем они плохи? Разве наш отец не к тому же стремился? Ты сам ловко сумел усыпить подозрение Рима, и тебе нужно было только объединить всех властителей, стонущих под игом Рима. Тогда было бы легко задушить безумного императора-актера. По одному твоему знаку все сердца забились бы для тебя, и все вооружились бы для твоей защиты.

Агриппа насмешливо засмеялся.

– Кто этот народ? Несовершеннолетние или мечтатели. Они сами не знают, чего хотят – сегодня одного, завтра другого. И неужели ты говоришь это серьезно? Прежде ты так не думала.

Береника откинулась назад и мечтательно глядела вдаль.

– Прежде я была легкомысленным, жизнерадостным существом, – тихо сказала она. – Я жила только мыслями о своей красоте и о веселье. Что знала я об отчизне, о вере в Бога? Мир казался мне садом, благоухающим для меня, приносящим плоды для одной меня. Только когда наступило то страшное время в Иерусалиме, я стала понимать, что значит долг, и узнала, что сад жизни не может приносить ни цветов, ни плодов, если его раньше не засеять и не возделывать его. А кто же это делал? Не мы, а как раз те жалкие люди, которых убивали потом у нас на глазах. Разве эти бедняки не имели права требовать тоже своей части общей жатвы?

Агриппа усмехнулся.

– Вижу, – сказал он, – что во время твоего одиночества в Цезарее ты опять занималась чтением греческих философов...

Она его не слушала.

– И если, – продолжала она с возмущением, – если мы так жестоки и себялюбивы, что ставим свое, благо выше блага других, то почему не оставить по крайней мере этим несчастным веру в награду в другом мире, ожидающую их там за все их труды и мучения? Зачем заменять эту блаженную детскую веру призрачными богами Египта, жалким греческим Олимпом и каменными идолами Рима? Наш народ силен и непобедим именно тем, что он должен отстаивать величайшие блага человеческой души от животных страстей Рима. Тут идет война не из-за светских выгод, война за самое великое – за Бога!

Казалось, она упивалась своими собственными словами. Она вскочила в порыве негодования и встала перед братом, высоко подняв правую руку. Ее длинное темное одеяние придавало ее высокой гордой фигуре что-то пророческое.

– А теперь, – продолжала она с горечью, – вместо того, чтобы думать и сожалеть о легкомыслии минувшего, вместо того, чтобы преклониться перед великой силой народа, ты еще жалуешься на меня. Ты говоришь, я возбудила подозрения этого римского наемника, Флавий Веспасиан! Да кто он такой, чтобы глаза иудейской царицы, внучки великого Ирода,

свели за движением его ресниц? Он мог побеждать ленивых и невежественных бриттов и германцев, но тут перед ним нечто иное, святое. В суеверном страхе он старается жалкими жертвами снискать расположение этой святыни, но, если бы он даже победил, Бог Израиля сотрет его своей рукой с земли и не останется следа от него...

Она произнесла эти слова страстно и гневно и опустила в изнеможении на подушки. Насмешка Веспасиана при встрече оскорбила ее и возбудила всю гордость царицы из рода Ирода, всю гордость ее народа, который с брезгливостью отворачивался от всех, не познавших истинного Бога. Веспасиан шутливо укорял ее за то, что она не стала римской гражданкой.

– Рим покорил весь мир, а Береника покорила бы Рим, – сказал он.

Она гордо выпрямилась и ответила дрожащим от гнева голосом:

– Береника – царица и иудейка.

Тогда он расхохотался и сказал:

– Царица – это ничего, иудейка – это кое-что, а римлянка – это все.

Эти слова еще жгли ее душу, и ей казалось, целая река крови не смогла бы смыть ее позора.

Агриппа побледнел от внезапных гневных слов сестры. Глаза его беспокойно забегали. Неожиданная перемена в легкомысленной женщине, которая вдруг стала фанатически преданной Богу, казалась ему опасным препятствием для его планов. Но он знал средство склонить ее на свою сторону. Он наклонился к разгневанной женщине и прижался к ней щекой к щеке, как это делал всегда, когда просил ее о чем-нибудь. Он знал, что это льстило ее гордости, и что ее можно было покорить внешней покорностью ее воле.

В этот момент сходство сестры и брата было поразительно. То же благородство линий и тот же отпечаток чувственности – сочетание, которое составляло прославленную красоту потомков Ирода. Но те же черты, сильные и энергичные у Береники, были у Агриппы слабыми и вялыми. Природа, как бы следуя странному капризу, дала женщине то, что должна была дать мужчине, и наоборот.

Береника позволила брату погладить свои пышные волосы и приложить узкую холодную руку к ее вискам.

– А я, ты думаешь, – сказал он почти шепотом, – легко сношу унижение? Во мне тоже течет кровь наших предков. И во мне тоже что-то возмущается, и мне хочется уничтожить всех вокруг. Но я прошел тяжкую школу и научился сдерживать гнев. Когда отец наш умер, царство его было могущественным и раскинулось гораздо дальше границ наследия Иродова. Но я был молод, жил в Риме, меня там держали заложником, обеспечивающим верность отца. У меня все отнимали и посылали римских наместников туда, где ждали меня, законного властелина. Тогда я понял, что с Римом нельзя честно бороться. Я притворился покорным. Ты знаешь, чего я этим достиг. Клавдий поддался моей хитрости и отдал мне после смерти Ирода, нашего дяди и твоего первого супруга, его царство в Халкиде. Тогда я стал неустанно действовать и добился того, что мне поручен был надзор над иерусалимским храмом. Это важный шаг вперед – он привел меня в соприкосновение с народом наших предков. Клавдий умер, я предусмотрительно оказывал услуги Нерону и его матери, и мое влияние усилилось. Я все ближе подвигался к Иерусалиму, мне бы несомненно дали во владение Иудею, если бы не этот проклятый мятеж. Не напрасно ведь я добился дружбы прокураторов, не напрасно укрепил доверие цезаря подарками и преданностью. Увеличивалось мое влияние на соседей. Наши родственники, Тигран и Аристокл, получили через меня Армению. Король Ацида Эмесский женился на – одной из наших сестер, Друзилле, а Алабарх Деметрий Александрийский женился на другой сестре, Мариамне. Ты вышла замуж за Палемона, царя сицилийского. Более того, я знал, что недалеко время, когда можно будет начать мщение. Нужно было подготовить народ. Я приблизил к себе самых видных людей, посвятил их

в свои планы. Все они были на моей стороне и готовы были содействовать мне. А теперь пропала долголетняя работа, тщательно подготовленные в течение долгих ночей планы уничтожены, разбиты несколькими безумцами, которые в своем ослеплении считают римлян карликами, а себя великанами. Даже Юст, мой собственный тайный секретарь, увлекся и проповедует открытую войну против императора.

Он вдруг захохотал и сжал кулаки. Береника поглядела на него с жалостью.

– Бедный Агриппа, – сказала она и погладила его по лицу. – Вот видишь, к чему привела тебя твоя римская змеиная мудрость. Если бы ты раньше попробовал узнать свой народ, который так презираешь, ты бы знал, что нельзя легкомысленно играть его святынями. Твоя ошибка в том, что ты призвал к себе на помощь жрецов храма.

– Без них нельзя было бы ничего сделать...

– Знаю, но Бога следовало касаться лишь в последний момент, когда все другое было бы готово.

Агриппа в отчаянии закрыл лицо руками.

– Ты права, все потеряно. Мы должны перейти на сторону римлян!

– Против родины, Агриппа, против Бога?

Его глаза безумно глядели вдаль. Он сам был потрясен мыслью о низком предательстве своего народа.

В его душе, испепеленной суетной жизнью Рима, горела еще искорка преданности вере его отцов. И разве он сам не имел твердого намерения тогда, когда осуществляются все его планы и он сможет назвать себя властелином Азии, раздуть эту искру в пламя и стать тем, чего таинственно ждали иудеи в течение всей своей истории, тем, что, казалось, осуществилось на минуту в его отце. Избранником Божиим, царем и служителем Божиим. Страданиями купить величие... А теперь?! Он сжал губы в бессильной злобе.

Беренике казалось: все величие ее дома, а с ним весь народ израильский окутывались серым густым туманом.

Агриппа рассказал ей, что все члены тайного союза отказались от него потому, что Веспасиан взглянул на них своим холодным пронизывающим взглядом. Рим обвиняет его в измене, Юст схвачен Веспасианом, и ему грозят смертью, если он во всем не сознается. Юст же знал все его планы, и по его поручению собрал вокруг себя бунтовщиков Тивериады. Хотя открытый мятеж вовсе не был в намерениях Агриппы, но враги обвиняли его и в этом.

Веспасиан, казалось, верил им. Была несомненная преднамеренность в том, что он повел Агриппу смотреть на казнь солдата, послушавшегося своего начальства.

– Так Рим наказывает мятежников, – сказал он, и зловещая угроза светилась в его глазах, устремленных на царя.

– Вот почему, Береника, – закончил Агриппа с искаженным от ужаса лицом, – я позвал тебя. Ты мне уже помогала умным советом и быстрыми решительными действиями. На этот раз я тоже молю тебя...

Сестра взглянула на него с некоторым злорадством.

– Что же может сделать такая слабая женщина, как я, – сказала она.

– Ты одна можешь спасти меня, – прошептал Агриппа, – в погребках твоих замков скоплены несметные богатства, а Веспасиан любит деньги. Ты красивее всех римских женщин, умнее и обаятельнее Клеопатры. А Марсия, жена Тита, холодна и ему ненавистна. Если бы ты захотела, тебе было бы легко... приветливо взглянуть, улыбнуться, удержать подольше руку в руке. Прежде чем он успел бы оглянуться, бедняга лежал бы у ног твоих и был бы счастлив, если бы ему дозволено было поцеловать край одежды богини. И все это ни к чему не обязывает. Когда веселая игра надоела, ее прекращают. Да ведь вы, женщины, знаете это в сто раз лучше, чем мужчины. В этом вся ваша жизнь, то оружие, которым вы ведете войну...

Лицо Береники изменилось, когда брат заговорил с ней легким тоном. Грозная складка между бровей исчезла, она опустила длинные ресницы, из-под них блеснул торжествующий взгляд.

– Это опасное, иногда обоюдоострое оружие, – пробормотала она.

Агриппа напряженно смотрел на нее.

– Я лучше знаю Беренику, – медленно произнес он. – Она не положит руку в огонь, который сама зажгла. Она будет спокойно смотреть на сгорающего там врага и потушит своими нежными пальчиками остатки тлеющей золы.

Голос его становился все более и более вкрадчивым, было какое-то обаяние в его мягком, мелодичном звуке – как во взоре змеи, которая гипнотизирует свою жертву Береника даже не тронулась с места, когда она закончила говорить. Она только тихо положила свою полную белую руку под откинутую голову, и грудь ее учащенно поднималась и опускалась.

– А если я исполню то, чего ты желаешь?

Он пристально взглянул в ее глаза.

– Только одного Веспасиана цезарь еще уважает и боится. Он единственный может принести вред Иудее и нам. Веспасиан же любит своего Тита до безумия. Если Тит скажет, что обвинение против Агриппы ложно, Веспасиан скажет то же самое. Если Тит будет того мнения, что войну надо вести осторожно, чтобы оставить противникам время для раскаяния, Веспасиан будет того же мнения, и если Тит сочтет Агриппу подходящим, достойным правителем Иудеи, Веспасиан возвестит цезарю, что Агриппа единственный человек, кому следует доверить это место.

– Ну, а дальше?

– Затем Тит будет правителем Сирии и глаза Тита будут устремлены на улыбку Береники. Он не заметит, как властители Азии снова соберутся вокруг Агриппы, он не услышит звона оружия, которым иудейский народ снова начнет опоясываться, не увидит, как стены Иерусалима будут возвышаться до небес и как на вершинах гор поднимутся крепости, а в гавани появятся тысячи гребцов, управляющих флотом Агриппы.

– А потом?

– Потом Береника откроет хранилища своих богатств, и, как подземный поток, золотая река разольется, заливая далекую Британию, Галлию, Германию. И повсюду восстанут варвары против Рима. А когда все поднимутся на Рейне, Дунае и у Гальского моря, когда солнце Азии, Африки и Эллады будет уже редко освещать римского орла, тогда Береника взойдет на самую высокую ступень священного храма иерусалимского и, как пророчица, издаст трубные звуки, перед которыми падет иго римлян, как некогда пали иерихонские стены.

Неужели позор может породить славу?

А ее покроет позор, если она, надругавшись над божеским заветом, отдастся врагу и язычнику. Неужели величие может быть куплено позором? Она невольно сделала отрицательный жест.

Агриппа не обратил на это внимания. Он спешил объяснить Беренике, чего он смертельно боялся. Завтра день обвинения и суда. До тех пор все должно быть сделано. Тотчас по прибытии Тита Веспасиан отправится с ним на вершину Кармеля вопрошать иудейского Бога о решении судьбы. Там все должно свершиться. Он ей это предоставляет. Ее дело воспользоваться минутой.

Она едва слышала его слова. Совершенно бессознательно она поднялась и направилась к выходу.

Агриппа следовал за ней.

Тогда жесткая складка появилась у ее губ и она презрительным взглядом окинула брата. Он отшатнулся и долго с изумлением смотрел ей вслед. Потом он улыбнулся.

– Она все-таки согласится.

Глава IV

– Воды, – простонал старик.

Врач вопросительно взглянул на Этерния Фронтон.

– Какой живучий, – проронил тот, отрицательно качая головой, глаза его сверкнули холодной насмешкой.

Сильвий дрожал от негодования, ставя на место уже взятый им в руки кувшин с водой.

Это было ужасно.

Врач перевязал рану иудея и дал ему лекарство, чтобы сохранить в нем сознание. Тогда к нему подошел Этерний Фронтон и стал допрашивать, откуда он пришел, что ему нужно в Птолемаиде, и состоит ли он в сношениях с Иоанном из Гишалы.

Старик крепко сжал губы, чтобы не испустить ни звука, глаза его с презрением глядели на римлянина.

– Будешь ты отвечать? – спросил тот.

Раненый только улыбнулся.

Вольноотпущенник тоже улыбнулся зловещей улыбкой. Потом он сказал врачу одно только слово.

– Соли...

Сильвий это слышал и побледнел, а врач с ужасом отшатнулся от Фронтон. Но тот еще раз сделал ему знак головой – властный, нетерпеливый, угрожающий.

Дрожащими руками врач снова развязал повязку и положил на рану платок, пропитанный соленой водой.

Это было час тому назад. Тело его извивалось в страшных судорогах, со лба струился холодный пот, и глаза выступали из орбит. Внутри у него горело адское пламя, от которого высыхал язык.

– Воды! Воды!

– Будешь говорить?

Вопрос повторялся уже сто раз, и каждый раз старик в ответ сжимал кулаки и пробовал улыбаться презрительно и насмешливо. И каждый раз Этерний Фронтон делал знак врачу.

– Еще.

Врач прибавлял соленой воды, но старик молчал.

– Жаровню с углем, Сильвий.

Декурион не смел послушаться. Фронтон зажег собственными руками древесные уголья и стал их раздувать.

Потом он поставил их под лавку, на которой пытали старика.

Старик стал рваться, стараясь высвободить руки и ноги из ремней. Он скрежетал зубами и рычал как зверь.

– Будешь говорить?

Черное облако опустилось на глаза иудея.

– Спрашивай! – крикнул он.

Этерний Фронтон немного отодвинул жаровню.

Барух заговорил.

Он отправился в Птолемаиду с Регуэлем, сыном Иоанна из Гишалы, за сестрой Регуэля, Тамарой, которая жила в доме своего дяди, торговца оливковым маслом, Иоанна бен Леви. Нужно было доставить семью в Гишалу, где им не грозила бы опасность, и в то же время Барух и его спутник должны были привести точные сведения о величине и состоянии римского войска и о планах Веспасиана В конце их пути на них напала конница галилейского наместника, Иосифа бен Матия. В неравном бою пали Регуэль и Элиазар. Барух же,

тяжело раненный, упал на землю и пролежал всю ночь в обмороке. Только утренний холод привел его в сознание. Припомнив случившееся, он стал озираясь, ища своих спутников. Но он нашел только мертвого Элиазара. Регуэль исчез. Огромная лужа крови обозначала место, на котором его повалил наземь ударом меча Хлодомар. Остался ли Регуэль в живых и уведен всадниками наместника или же он смог продолжать путь в Птолемаиду? Этого Барух не знал.

Больше он ничего не мог сказать. Кровь хлынула у него из горла и заглушила звуки его голоса.

Этерний Фронтон некоторое время внимательно смотрел на него. Потом он уступил место врачу, который старался облегчить страдания старика, истерзанного пыткой.

– Ничего не поможет, – сказал он. – Да теперь все равно. Ведь он все сказал. Веспасиан будет благодарен богу случая, который предал в его руки семью его злейшего врага. Безумствуй, Иоанн из Гишалы, против Рима! Всякий новый меч, который ты поднимешь против Рима, опустится на голову твоего сына...

Он хладнокровно смотрел на судороги умирающего.

Старый иудей облегченно вздохнул, когда врач развязал ремни. Его потухающий глаз следил за светлым солнечным лучом, который врывается в окно.

– Фотин, – сказал Этерний Фронтон одному из стражей, – приготовься идти со мной. Я отправлюсь к Иакову бен Леви, торговцу оливковым маслом. "Было бы забавно, – прибавил он про себя, – если бы Тамара, дочь Иоанна из Гишалы, была тем маленьким чертенком, который сыграл со мной такую штуку в тот вечер".

* * *

Береника быстро прошла длинный ряд своих покоев. Она была полна ненависти к еще недавно так нежно любимому брату. Так вот зачем он ее звал сюда! Он хотел продать ее, как уже продал раз, когда выдал замуж за Палемона Понтийского, как продал и двух ее других сестер. И все это он делал из честолюбия, только для того, чтобы достигнуть женской хитростью того, чего можно было лишь добиться смелым мужественным поведением. Но на этот раз он увидит...

Когда она вошла в последнюю комнату, навстречу ей метнулась фигура эфиопа, любимого раба Береники. Резкий нечленораздельный звук вырвался у него при виде Береники. Эфиоп был немым. Он был подвергнут Агриппой наказанию за то, что выдал тайну. Береника сжалась над умиравшим после пытки рабом, и благодаря ее заботам, а также искусству врача Андромаха удалось сохранить его жизнь. Станные отношения установились с тех пор между госпожой и рабом. Казалось, он читал каждую самую сокровенную ее мысль.

Береника положила ему руку на плечо и повелительным жестом указала на стену.

Он ее понял. Отбросив ковер, он уперся всем своим могучим телом в один из каменных стен, пока тот, повернувшись на скрытой оси, не открыл узкий проход, который вел в какую-то комнату. Потом эфиоп отступил назад и наклонился, чтобы поцеловать край одежды Береники. Береника ласково потрепала его курчавые волосы и взглянула на него повелительно, указывая пальцем на стену. Потом она исчезла в проходе.

Береника бесшумно прошла в скрытый покой и подошла к ложу, спрятанному за пологом. Андромах, ее лекарь подошел к ней с поднятой предостерегающе рукой.

– Он еще спит, – прошептал он.

Она кивнула головой и осторожно опустилась на стул увешанный золотыми цепочками.

– И у тебя еще есть надежда, Андромах? – спросила она тихо.

– Я еще раз осмотрел его раны, – ответил врач. – Жизнь его вне опасности. Он бы давно уже проснулся, если бы не был истощен сильной потерей крови.

Она сделала ему знак замолчать и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть раненого.

Как он был прекрасен! Береника нагнулась к полураскрытым устам юноши как будто бы для того, чтобы впитать аромат его дыхания. Но в это время он пошевелился. Веки его широко раскрылись, он блаженно улыбнулся, и губы его прошептали: "Гелель, это ты? Такой я видел твою красоту когда она сияла надо мной в долгую ночь. Она освещала мне путь к звездам, к тебе, Гелель, о Гелель!"

Руки его потянулись к ней, и она невольно отступила. Он вскрикнул и поднес руку ко лбу. "Ее уже нет, – простонал он, – она ушла от меня!"

Только тогда к нему вернулось сознание, и он понял, что не спит. Но неужели этот дивный женский образ, явившийся ему, был тоже правдой?

Береника медленно отдернула тяжелую занавеску с маленького решетчатого окна, и дневной свет залил комнату потом она раздвинула полог у его постели.

Он приподнялся, и пламенный румянец залил его бледные щеки.

– Если ты будешь так волноваться, – сказала Береника с мягким упреком, – я буду вынуждена уйти.

– О, я буду лежать совсем спокойно, – молил он, – только подожди, не уходи!

Она подвинула свой стул к постели и мягким движением откинула голову Регуэля на подушки. Ее прикосновение обожгло его.

Береника с улыбкой следила за ним. Опять красота ее победила, как всегда и везде. Перед ней стояли на коленях мужи Рима. Ей поклонялись властители Азии. Перед ней мятежная иерусалимская толпа отступала в благоговении, и ей же поддался теперь этот неопытный мальчик. Каждый его робкий взгляд, дрожащий звук его голоса, смущенный румянец ясно говорили о его чувствах. Она вздохнула. Ей казалось, что в его нежных чистых чертах воскресла ее юность – то время, когда она играла с другими детьми во дворце отца. С тех пор ее жизнь стала погоней за успехом, унижительным служением чужим интересам, и она уже перестала внимать побуждениям души. Но здесь перед ней была незатронутая жизнью душа, полная веры и чистоты. Как бы ей хотелось вылепить мягкий воск этого молодого, неиспорченного сердца по собственному желанию. Но разве мыслимо, чтобы Регуэль когда-нибудь узнал, кто его спасительница? Иоанн из Гишалы был самым ее строгим судьей, беспощадно осудившим ее. Неужели Регуэль не разделяет мнения своего отца?

Накануне, когда она и свита ее встретили Хлодомара и узнали от него имя захваченных путников, она решила удержаться от всякого вмешательства. Но потом она взглянула в лицо потерявшему сознание юноше и вдруг почувствовала непреодолимое влечение к нему. Она потребовала, чтобы Регуэля отдали в ее распоряжение Хлодомар повиновался, хотя и очень неохотно; но он знал отношения своего господина к царскому дому и понимал, что, если не исполнить просьбу Береники, она сумеет ему отомстить.

Так Регуэль оказался у Береники.

И теперь – каким торжеством будет для нее влюбить в себя сына того человека, который так гнушался ею.

Нет, Регуэль не должен знать, кто она, кому он обязан жизнью. Она выпрямилась и взглянула на юношу тем пламенным взором, перед которым еще никто не мог устоять до сих пор. И она поняла, что он тоже не устоял.

– Ты ничего не спрашиваешь? – прошептала она. – Тебе не хочется узнать, как ты попал сюда, в Птолемаиду?

– В Птолемаиду?

Он хотел вскочить, но она прикоснулась к нему рукой так легко, что он едва почувствовал прикосновение. Она рассказала, что нашла его среди дороги, в руках грабителей; они

обшаривали его платье, ища драгоценности. Когда приблизилась ее вооруженная свита, они разбежались и она благодарила Бога за то, что ей удалось спасти соплеменника.

Глаза Регуэля зажглись радостным блеском.

– Так ты иудейка? – спросил он.

– Как и ты, – спокойно подтвердила она и улыбнулась, заметив, что он облегченно вздохнул.

– Но каким образом, – спросил он с недоумением, – решаешься ты выходить из города на дорогу, где даже отважным мужчинам угрожает опасность? Я трепещу при одной мысли о том, что ожидало бы тебя, если бы ты попала в руки одного из этих нечестивых римлян...

Она вспыхнула.

– Разве ты так мало знаешь, как иудейки дорожат своей честью? – сказала она. – Знай, прежде чем римлянин сделал бы меня своей возлюбленной, вот этот последний друг нашел бы путь к моему сердцу.

Она вынула из складок платья маленький кинжал в драгоценной оправе и небрежно коснулась им своей груди.

Регуэль побледнел и потянулся к острому клинку.

– Там яд на острие! – крикнула она, отнимая у него кинжал.

Взгляд ее погрузился в его глаза, и теплое дыхание коснулось его лица.

– Оставь его мне, – взволнованно прошептал он. – Когда я подумаю, как легко...

Она усмехнулась насмешливо и обольстительно.

– А тебе что за дело, мальчик?

– Ты права, – сказал он грустно. – Какое дело мне если твой супруг позволяет...

Он не договорил; скрытый вопрос, который слышался в его словах, позабавил ее.

– Мой супруг, – медленно проговорила она с серьезным выражением лица, – если бы он знал, что я шучу здесь с юношей, он бы... Он был ревнив, как тигр...

– Был? – взволнованно проговорил Регуэль. – Значит, он уже умер? И ты...

Она вскочила, засмеявшись, и склонилась в степенном глубоком поклоне.

– Старая, старая вдова, – сказала она.

Он ничего не ответил, а только глядел на нее долгим взглядом, потом наклонился и поцеловал ей руку.

– Что ты делаешь, Регуэль?

– Ты так прекрасна, – прошептал он.

Она слегка отодвинулась от него и посмотрела задумчиво на свои узкие, тонкие пальцы. Много мужских уст касалось их, но никогда никто их не целовал таким горячим и вместе с тем таким чистым поцелуем.

– Регуэль, – сказала она. – Я должна пожурить тебя. Так-то ты исполняешь свои обязанности? Ты даже не спросил о судьбе письма, данного тебе отцом. Успокойся, – быстро прибавила она, видя, как он побледнел. – Вот оно. – Она взяла со стола пергаментный свиток и подала ему. – Прости, что я сломала печать. Я ведь не знала, когда ты очнешься, и боялась опоздать с поручением, которое тебе было дано. Из письма я узнала, к моей великой радости, кому я смогла оказать небольшую услугу. Я узнала, что ты Регуэль, сын Иоанна из Гишалы. А его я ставлю выше всех других. Он один в состоянии победить римлян.

– Ты знаешь моего отца? – воскликнул Регуэль, и то легкое недоверие которое овладело им при виде распечатанного письма, исчезло.

– Я только один раз и видела его, – ответила Береника. – Это было в Тивериаде, когда он обвинял публично Иосифа бен Матия. Народ восторженно приветствовал его, и наместнику едва удалось спастись бегством. Тогда я поняла, что рука Божия покоится на отце твоём....

– Скажи мне, как тебя зовут? – спросил он вдруг.

Она изумленно взглянула на него.

– Зачем? – спросила она отрывисто.

– Я хотел бы знать, подходит ли твое имя к тому, чем ты мне кажешься.

– А чем я тебе кажусь?

Она это сказала шутливым тоном, но голос ее был странно взволнован.

Он снова покраснел.

– Я вспомнил предания нашего народа, – пробормотал он.

– И с кем ты сравнивал меня?

– С Деборой.

Это имя взволновало ее. Как раз об этом она думала во все время своей одинокой жизни в Цезарее. Это было то, что бессознательно проходило через все ее мысли о будущем величии ее народа, то, что звучало в ее словах сказанных брату.

Дебора!

Ей вспомнилась победная песнь пророчицы. Она так часто повторяла ее ребенком в мрачные бурные ночи и при этом трепетала от восторга. Воображению ее рисовалось бывшее величие; она вдыхала запах крови, слышала шум колесниц, топчущих трупы врагов.

Неужели то, что удалось простой женщине из народа, не может быть осуществлено ею, могущественной царицей?

Дебора!

– А что если ты угадал, – сказала она Регуэлю. – Что если в самом деле мое имя Дебора и я стану Деборой для нашего народа?

– Ты, наверное, станешь ею, и народ израильский будет восхвалять тебя до конца дней.

– А ты?

Он ничего не ответил. Он уткнулся в ее блестящее платье, чтобы скрыть в нем свое пылающее лицо. Она подняла его голову и, погружая свой взгляд в его чистые благородные черты, прижала ее к своей груди.

– Регуэль!

Звук ее голоса был такой мягкий и многообещающий. Он не мог больше выдержать ее чар, когда она нагнулась к нему. Ослепленный, он закрыл глаза. Вдруг он вздрогнул и упал на подушки.

Губы пророчицы коснулись его уст.

Андромах подошел и нагнулся над юношей, лежащим в обмороке.

– Ты могла убить его, – сказал он Беренике с укоризной.

– А ты не думаешь, что смерть его была бы блаженной? – ответила она, странно улыбаясь.

Глава V

Когда Береника вернулась в свои покои, навстречу ей вышел Агриппа.

– Не думай, – сказала царица, обращаясь к брату, – что тебе удастся уговорить меня. Мое решение твердо. Я не вступлю на путь позора. Пусть лучше погибнет дом Ирода, чем израильский народ. А спасение только в самом народе. Мы, слабые потомки сильных предков, ничего не добьемся ни хитростью, ни силой. Мой совет тебе – поступай, как я! Забудь искушения Рима, вернись к здоровой простоте твоего народа. В этом и только в этом твое спасение...

Агриппа побледнел, слушая взволнованные слова сестры.

– А ты думаешь, – ответил он, – что Веспасиан меня так и отпустит? Стража его ходит вокруг наших дворцов, пробирается в наши покои, и кто поручится, что римское золото не купило уже уста и уши наших слуг?...

– Брось продажных людей, беги от них, как я убегу, – темной ночью. Будем изгнанниками, не все ли равно? Лишь бы вернуться победителями!

Царь взглянул на нее и закусил губу.

– Ты безумствуешь, Береника. Подумай, кто сделал меня царем? Рим.

– Возврати ему царство и снова завоюй его сам.

Он ее уже не слушал.

– Кто в состоянии сохранить мне власть? Только Рим. Народ? О, не думай, что эта война ведется только против вторгнувшихся чужеземцев. Чернь Иерусалима и других городов требует большего. Они возмущаются против всего, что стоит выше их, – против меня, их царя, против знатных, захвативших должности, против богачей, овладевших рынками. Если не сдержат неистовства толпы сильной рукой, она всех нас уничтожит...

– Пусть. Если знать не умеет защитить родины, а пользуется своим положением только для собственной выгоды, то я первая готова кричать вместе с народом: долой знатных, губящих отечество!

Она проговорила эти слова вне себя от гнева.

– Ты безумствуешь, – простонал он.

– Да ведь ты, – сказала Береника после короткого молчания, – не можешь судить о людях, которых называешь чернью. Ты слишком мало их знаешь. Это не римская чернь, которая требует хлеба и зрелищ. Нашему народу нужна иная жизнь – в нем силен дух. Он жаждет истины, стремится к Богу. Да к чему говорить тебе это? – прибавила она с горечью. – Ты все равно не поймешь. Ты уже не иудей. Рим сделал тебя рабом: всех, кто к нему приближается, он унижает, повергает в прах до тех пор, пока они не начинают считать самым желанным милостивую улыбку одного из римских тиранов. Но я не хочу потонуть в этой грязи. Лучше погибнуть, как загнанный зверь, где-нибудь в темной пещере галилейских гор, чем целовать руку притеснителя.

Она отвернулась от брата, который растерянно смотрел куда-то вдаль. Наступила долгая, тягостная тишина; наконец с улицы раздались тяжелые шаги проходящей мимо когорты. Царь опустил голову.

С ужасающей ясностью ему представилась страшная картина, которую он видел мальчиком в Риме. Захвачен был в плен вождь восставшего племени. Это был высокий, сильный человек с гордым взглядом. Таким он проходил, гремя цепями, через Аппийские ворота. А несколько недель спустя вся его спесь была сбита пребыванием в сыром погребе; с тупым равнодушием он позволял проделывать с собой все, что хотели его мучители: его привязали к хвосту лошади и волочили по улицам Рима. Толпа бросала в него камни и куски грязи и кричала ему вслед грубые слова. Так его притащили к Тарпейской скале, и, когда пред ним

разверзлась бездонная пропасть, он издал крик безумного, смертельного ужаса. Блестящий, страшный Рим еще раз восторжествовал над одним из своих врагов.

Разве Агриппу не ожидала бы та же участь, если Веспасиан, вняв жалобам городов, учинит допрос Юсту, его секретарю, и заставит его выдать замыслы его господина.

Агриппа содрогнулся и глухо прошептал:

– Тогда я погиб...

Его внутренняя борьба произвела впечатление на Беренику. Несмотря на свой гнев, она не могла отрешиться от привязанности к брату и теперь в сердце ее проснулась жалость. Но в ушах ее снова раздался чей-то зов: "Дебора!"

– Малодушный! – прошептала она с презрением.

Он это услышал. Лицо его исказилось, и он с трудом удержался, чтобы не броситься на оскорбившую его женщину. Но прошла минута – и он лежал у ее ног и молил о прощении...

Этого она не ожидала. Неужели все его честолюбивые мысли о завоевании мира были только позой, а на самом деле он так беспомощен и жалок?

– О если бы я была мужчиной! – прошептала она и топнула ногой, сгорая от стыда.

И этому жалкому, ничтожному человеку она должна была принести себя в жертву? Никогда. Как Дебора, она готова перешагнуть через трупы. Она оттолкнула от себя брата, обнимавшего ее колени, и посмотрела вдаль, как будто взор ее мог проникнуть сквозь стены, туда, где лежал раненый юноша. Она поднялась и прервала мольбы лежащего у ее ног царя.

– Брось ныть, – сказала она резко. – Я сегодня же покидаю Птолемаиду.

Стон вырвался из его груди.

– Береника!

Она подошла к дверям, у которых должен был ждать ее Таумаcт. Она открыла дверь и подозвала его, велев готовиться к отъезду, но в это время раздались поспешные шаги на ступенях ведущей со двора мраморной лестницы. Подняв глаза, она увидела перед собой римского воина со знаками консульского звания. Взволнованным голосом он сказал:

– Прости, царица, что я осмелился проникнуть в твои покои. Но дело чрезвычайной важности привело меня к тебе и к твоему брату Агриппе, которого я напрасно искал в его дворце.

При первых звуках его голоса царь вздрогнул. Неужели Рим уже протягивает свою мстительную руку?

– Флавий Сабиний! – пробормотал Агриппа. – Тебя послал Веспасиан или...

– Мой дядя не должен знать, что я был у тебя, – сказал торопливо префект и оглянулся вокруг. Указывая на Таумаcта, который ждал в глубине залы, он тихо спросил: – Ты уверена в преданности этого раба?

– Не беспокойся, – ответила Береника и подала ему знак встать у дверей и никого не впускать. Потом она пригласила римлянина следовать за ней.

– Вам, наверное, покажется странным мой поступок, – начал Флавий Сабиний. – Я, римлянин, прихожу просить вас помочь и защитить одного из ваших же соплеменников от римлян...

Флавий Сабиний рассказал о своем знакомстве с Тамарой и Саломеей. Он заметил, что Агриппа улыбнулся, когда он говорил о красоте и душевной чистоте девушек; но теперь ему было не до того, чтобы скрывать свою тайную любовь... Он рассказал то, что знал со слов Сильвия о допросе, которому подвергнут был Барух, провожатый Регуэля.

Флавий Сабиний и Сильвий хотели предупредить об опасности Иакова бен Леви, торговца оливковым маслом, увести девушек до прихода Фронтонa. Но было уже слишком поздно. По дороге к дому Иакова они встретили шумную толпу; в центре ее были девушки и больной Иаков бен Леви. Их заковали в цепи и вели под конвоем в городскую тюрьму. Вольноотпущенник шел впереди, и лицо его сияло злорадством, когда он увидел побледневшего

префекта. Флавий Сабиний предложил свое поручительство, но Этерний Фронтон отказался отдать захваченных иудеев. Теперь их можно спасти только при помощи самого Веспасиана. Захват родственников Иоанна из Гишалы отдавал и его самого во власть Веспасиана, а вместе с ним и всех тех, которые считали Иоанна своим вождем.

Береника облегченно вздохнула. Имя Регуэля не было упомянуто. Значит, Этерний Фронтон ничего не знал о спасенном ею юноше. Но опасность грозила ближайшим родственникам Регуэля... Она знала, что благодеяние, оказанное одному члену семьи, обязывает всю семью к благодарности на всю жизнь. Какой случай еще более привязать к себе прекрасного юношу! И кроме того, разве эта удача вольноотпущенника не погубит в зародыше всего восстания? Оно так счастливо началось и так ее радовало. Она познакомилась со всеми участниками восстания и имела возможность их оценить. Для нее не было отныне сомнений, что только один Иоанн из Гишалы сможет выполнить это великое дело. И неужели все это окажется тщетным из-за какого-то вольноотпущенника Фронтон... Кровь ей бросилась в голову. У нее закружилась голова – так ясно она вдруг поняла, что нужно сделать, и так страшен был настойчивый голос совести. Напрасно она ломала голову, чтобы найти другой выход. Все потеряно, если Береника сама... "Сделает это? А мечты стать Деборой?!" Она откинулась назад и закрыла глаза.

Флавий Сабиний продолжал свой рассказ:

– Я смотрел на пленных и не знал, что делать. У меня сердце сжималось от жалости. Бледный, дряхлый старик с трудом передвигал ноги под тяжестью цепей; оскорбленная женская гордость видна была в благородных чертах Саломеи, а прелестная Тамара с испугом прижималась к подруге, ища у нее защиты от беззащитных шуток грубой толпы. Я не знал, как помочь им. Тогда декурион Сильвий подал мне совет обратиться за помощью к тебе, Агриппа. "Мы дали иудеям царя, – сказал Сильвий, – и на что он им, если у него нет достаточно власти, чтобы защитить беспомощных женщин". Сильвий заметил взгляд, которым Этерний Фронтон оглядывал обеих девушек. Я пришел к тебе, Агриппа, – закончил префект, глядя царю прямо в глаза, – просить, чтобы ты заступился перед Веспасианом за твоих соплеменников.

Агриппа пожал плечами.

– Я ничем не смогу помочь! Твой Сильвий был прав, говоря о моем бессилии. Да Птолемаида к тому же не входит в состав моих владений и у меня даже нет предложения.

– Но употреби хоть твое влияние для того, чтобы с заключенными лучше обращались, – просил его префект. – Я знаю Этерния Фронтон, он готов на все для достижения своих целей.

– Мое влияние, – сказал Агриппа с горькой усмешкой. – Я был бы доволен, если бы мог самого себя оградить от нелепых обвинений... Право, Сабиний, мне жаль отказать человеку с таким высоким положением, как ты, но ты требуешь от меня невозможного. И прости, – сказал он, взглянув на солнце, которое уже прошло зенит. – Я должен тебя оставить. Мне нужно готовиться к поездке на Кармель.

Он поднялся и бросил умоляющий взгляд на Беренику. Она все еще сидела, откинувшись назад и закрыв глаза. Как будто почувствовав взгляд царя, она встала, ее глаза вдруг широко раскрылись, в них блеснул гнев. Она направилась к двери.

– Таумаст!

– Что прикажешь, царица?

– Носилки!.. Скорее!..

Агриппа вздрогнул и подался вперед, чтобы заключить сестру в свои объятия.

– Береника! Ты согласна...

Она толкнула его, брезгливо, он внушал ей отвращение.

– Не ради тебя! – проговорила она сдавленным голосом.

Она знаком попросила его и Флавия оставить ее. Флавий Сабиний с удивлением взглянул на царя, который крепко жал ему руку, прощаясь. Агриппа был теперь совершенно иным.

– Надейся, Сабиний, – радостно говорил он. – Сам Бог отдал в руки Этернию Фронтону дочь Иоанна из Гишалы...

– Я не понимаю, – прошептал префект в изумлении.

– Да разве я сам понимаю, – возразил со смехом Агриппа, – разве кто-нибудь может понять женщин? Но не все ли равно, из-за чего Береника поедет в Кармель, лишь бы она поехала...

В покоях Береники ловкие руки греческих рабынь одевали царицу для поездки. Обычно Береника бранила и строго наказывала прислужниц за всякую неосмотрительность, сердилась, когда ее волосы противились новому убору или когда ей не нравился выбор цветов. Сегодня она ни на что не обращала внимания, занятая своими мыслями. Она даже не рассердилась, когда Хармиона, полировальщица ногтей, уколола ей палец так, что показалась капля крови.

Она долго разглядывала красное пятно и давила его пальцем, чтобы вышло еще больше крови. Потом она засмеялась, высосала кровь и произнесла непонятное гречанкам слово:

– Дебора!

Последние богомольцы спустились еще до полуденного жара тенистыми тропинками с Кармеля; они направлялись в долину Изрееля, или к заливу Акко; там на голубых волнах белели сотни парусов.

Базилид с насмешливой улыбкой проводил взглядом богомольцев. Потом он вернулся затушить огонь на жертвеннике, некогда воздвигнутом израильскому Богу. Его желтое, окаймленное клинообразной черной бородой лицо имело недовольный вид, когда он взглянул на приношения у алтаря.

– Ничего существенного, – ворчал он. – Несколько жалких динаров среди всякой дряни – вот и все, а между тем моя слава скорее выросла в глазах глупой толпы, чем уменьшилась. Видно, тяжело давит народ рука Рима.

Он встал на колени, чтобы отобрать из груды даров монеты и кольца.

– Если мне не выдастся скоро какая-нибудь особенная удача, – продолжал он, говоря самому себе, – то придется или умереть с голода, или вернуться в Рим. Жаль, что меня там знают в лицо – да, многие бы дорого заплатили, чтобы увидеть мою голову посаженной на кол! А все-таки, несмотря на все преследования, наше ремесло приносит еще в Риме огромные выгоды. Эти гордые римляне, повелители мира, только стараются убедить себя, что не верят в богов. Как они ни прикидываются вольнодумцами, а все-таки дрожат перед всякой мелочью, которая им кажется необычной, и приносят жертвы Юпитеру и Минерве, Изису и Озирису, Астарте и Богу иудеев. О глупцы!

Он презрительно засмеялся и, собрав жертвоприношения, спрятал их в складках своего длинного, причудливого плаща. Затем он направился к пещере, скрытой среди густой зелени. Оглянувшись вокруг, он толкнул ногой массивную железную дверь.

Его встретил дикий, раздирающий уши крик. У потолка сидели на шесте два орла. Головы их были покрыты кожаными колпаками. Они били крыльями о шест. На остывшем очаге поднимались из клубка змеиных тел головы со сверкающими глазами и, шипя, высывали свои рассеченные языки. В стену вделано было железное кольцо, с которого слетел черный ворон и, сев на плечо своего господина, прокричал охрипшим голосом:

– Да здравствует цезарь!

– Есть хотите? – со смехом обратился Базилид к зверям. – Погодите, еще не время набивать животы. Еще, может быть, кто-нибудь да придет внимать предвещаниям свыше. А я должен быть уверен в моих слугах...

Он вытряхнул все, что принес в складках плаща, на деревянный стол, и звон серебра заглушил крик зверей. Они вдруг притихли. Душа их хозяина, казалось, переселилась в них – так жадно сверкали глаза змей и вытягивались шеи орлов. Ворон бросился на кучку блестящего металла и, схватив монету, снова вспорхнул на свое кольцо. Базилид засмеялся.

– Подожди, воришка, – крикнул он, – вынимая монету у него из клюва. – К чему тебе эта штука? Или ты опять хочешь ее унести в потаенный уголок, где я недавно нашел кучку золотых и серебряных монет?

Он прикрепил ворона тоненькой цепочкой к кольцу. Птица отбивалась крыльями и клювом, глаза сверкали и без умолку раздавался ее хриплый крик:

– Да здравствует цезарь!

Наконец Базилид взял кусок сырого мяса и укрепил его на остром крюке, вбитом в стену, на таком расстоянии, чтобы ворон не мог его достать. Тогда крик ворона превратился в сдавленное клокотание: расвирепев от голода, он не переставал жадно тянуться к недосягаемому лакомому куску.

Точно так же Базилид поступил и с орлами. Так он приручал своих птиц, и они настолько привыкли к своей пещере, что возвращались в нее, когда он выпускал их на волю.

Снаружи раздался голос, который прервал его занятия.

– Базилид, святейший из пророков, где ты?

Эти слова были произнесены высоким, тонким голосом, и горное эхо повторило резкий звук. Базилид вздрогнул. Голос показался ему странно знакомым. Он быстро заглянул за тяжелую занавесь, скрывавшую глубину пещеры, довольный кивнул головой и спустился, вниз по нескольким ступеням; попав в длинный, узкий проход, он вышел из пещеры уже совершенно с другой стороны. Он высек этот проход в каменистой почве, чтобы иметь два выхода из пещеры.

Выйдя на воздух, он бесшумно пробрался в заросли кустов, из-за которых мог видеть все, что происходило около жертвенного алтаря. Наконец он увидел звавшего его человека.

К дереву возле алтаря привязан был мул и ел траву, которую ему подавал маленький, уродливый человек в пестрой одежде. С дерзким презрением к святости места уродец забрался на сам алтарь. Его огромная голова была опущена, так что Базилид не мог видеть его лица. Действия свои он сопровождал такими же словами, с какими прежде пророк обращался к своим зверям.

Голос и вся фигура его напоминали кого-то очень знакомого. Но нельзя было допустить глумления над святыней, которую Базилид сумел обратить в источник доходов. Что если бы кто-нибудь из верующих увидел эту сцену? Он бросился вперед и закричал в притворном гневе:

– Как ты смеешь, несчастный, сидеть на алтаре Всевышнего? Трепещи – тебя может сразить молния.

Карлик спокойно поднял глаза на разгневанного пророка.

– Молния из такого ясного неба, добрейший Базилид?

Увидав лицо карлика, пророк отшатнулся и побледнел.

– Это ты, Габба?

Карлик скорчил насмешливую гримасу.

– Как видишь, почтеннейший из отцов, – ответил он спрыгивая на землю. – Это я, Габба, твой сын, которого ты так долго считал погибшим и так горько оплакивал. И почему ты так испугался? Уж не боишься ли ты и в самом деле, что старый Илья спустится на своей колеснице, чтобы наказать меня за дерзость? – Он лукаво подмигнул Базилиду. – Клянусь всеми богами, у которых ты уже состоял пророком, – продолжал Габба тем же тоном, – я не понимаю, чем тебя так взволновал мой неожиданный приход. Уж не похож ли я, сам того не зная, на покойного цезаря Клавдия? Правда, голова и ноги трясутся у меня, как и у него,

когда он еще был жив, но, клянусь Вельзевулом и Асмодеем, язык мой не дрожит, как у него, и, кроме того не любит грибов с тех пор, как Клавдий из-за них попал в число богов².

Базилид смертельно побледнел и протянул вперед руки как бы для того, чтобы остановить поток страшных слов.

Но Габба продолжал:

– Не беспокойся, нежно любимый Базилид, заботливейший из всех отцов, – сказал он, хихикая, – я не думаю опустошать твою кладовую. И так у тебя мало чего осталось после смерти матушки Локусты, которая была тебе так полезна своим знанием целебных трав. Не думай также, что меня привлекла к тебе тоска по деревянному ящику [*приспособление для искусственной, очень мучительной, остановки роста у детей, с целью сделать из них карликов; они были в цене, как шуты*], ведь с тех пор, как мы расстались, – прибавил он, с горькой усмешкой приподнимаясь на кончиках пальцев, – я уже так вырос, что могу сам пробиться в жизни...

– Чего же тебе нужно от меня? – спросил наконец Базилид, успокаиваясь.

– Мне хотелось только осведомиться, как поживает мой дорогой батюшка, – сказал карлик с насмешкой. – И я хотел предостеречь его по старой дружбе. Ведь еще многие не забыли, что Базилид жил некогда в Риме и с помощью своей добродетельной супруги Локусты помог любящей Агриппине устроить Клавдию божественный пир. Что, если бы в Риме узнали, что тот Базилид и святой пророк горы Кармеля одно и то же лицо! Божественный Нерон обещал высокую награду тому, кто доставит ему удовольствие познакомиться с кудесником. Он даже удовольствовался бы видом одной только головы чародея. Какой завидный отец у карлика Габбы!

Базилид вздрогнул, рука его нащупывала кинжал, спрятанный в складках плаща.

– Оставь это успокоительное снадобье, батюшка, – насмешливо сказал карлик. – Ты бы только нажил себе этим смертельного врага в лице царя Агриппы. Он знает, что Габба, его любимый карлик, отправился на Кармель обнять отца, о котором он сильно тоскует. Царь был бы в отчаянии, если бы лишился своего шута. Ну а теперь оставим шутки, – сказал он серьезнее. – Скажи, хочешь заработать кучу серебряных динариев. Дело, конечно, идет не о грибах... Я ведь пришел к пророку...

Базилид недоверчиво смотрел на него.

– Объясни мне сначала, – пробормотал он, – и если я смогу.

– Разве есть для тебя невозможное? – возразил Габба. – Но здесь неудобно оставаться. Солнце слишком печет. Пройдем лучше в твой прохладный уголок и потолкуем там в тени.

Пророк не отвечал. Разве мог он доверить тайны пещеры тому, кого сделал уродом. Он не мог ждать ничего доброго от Габбы, которого так мучил в детстве. Габба заметил его нерешительность. Он подошел ближе и стал шептать ему на ухо:

– Я ведь знаю, отец мой любит сверкающее золото и если он послушается совета Габбы, то у него будет целый кошель золота. Скорее, Базилид, идем. Мне, кроме того, нужно убедиться, что у тебя есть средства узнать волю Всевышнего относительно Веспасиана.

Пророк вздрогнул, услышав имя полководца, известного своей верой в оракулы. Он понял, что за словами Габбы скрывается чей-то план. Быть может, если он сумеет воспользоваться случаем, ему откроется неисчерпаемый источник дохода. Но все-таки его недоверие не исчезло.

– Если ты мне не веришь, – нетерпеливо сказал Габба, – так подумай, что у меня есть причины не встречаться с тобой, и если бы дело не касалось чего-нибудь очень важного...

² Императора Клавдия отравила ядовитыми грибами его вторая жена, Агриппина, мать Нерона; ее сообщницей была колдунья Локуста. После смерти Клавдий, по римскому обычаю, был причислен к лику богов.

Отведи моего мула куда-нибудь и затем – он не мог удержаться от того, чтобы снова не впасть в насмешливый тон, – покажи мне святую святых твоего храма, богоспасаемый пророк!

Базилид отвел мула в тень и пригласил Габбу в пещеру. Карлик стал пытливо оглядываться, усмешка показалась на его лице.

– А, – сказал он, указывая на ворона, который все еще тянулся с безумной жадностью за куском мяса, – Зороб, старый знакомец, священный ворон, съевший тысячу лет тому назад Илью у Хритского источника. Как низко ты пал, если Базилид мог заставить тебя после смерти Агриппины приветствовать Нерона именем цезаря.

При знакомом звуке ворон восторженно закричал:

– Да здравствует цезарь!

Габба расхохотался.

– А ведь Нерон считал это тогда несомненным предзнаменованием, – продолжал он задумчиво. Почему же Веспасиану, не имевшему Сенеку в учителях, не верить этому? А, – продолжал он, увидев орлов, – Кастор и Полукс, вестники Юпитера. А вот и змеи египетских заклинателей. Я вижу, батюшка, все твои небесные знаки в хорошем состоянии, но все-таки я боюсь, Веспасиан несколько избалован богами!

Базилид гордо выпрямился.

– Не беспокойся, Габба, – проговорил он, ухмыляясь. – У меня есть нечто убедительное хотя бы и для самого Сенеки. Смотри!

Он откинул занавес и крикнул повелительным голосом:

– Мероэ!

Габба вздрогнул, услышав это имя, и с напряжением стал вглядываться в темную часть пещеры. Голос пророка заставил приподняться лежащую на полу, на львиной шкуре, полурасдетую молодую девушку. Губы карлика непроизвольно повторили имя, которое вызывало далекое воспоминание из давно, казалось, забытой поры детства.

– Мероэ!

Он никогда не мог узнать, откуда она была родом. Локуста принесла ее однажды, подбрав на улице в Риме. Она была тогда четырехлетним ребенком, с тонкой, молочного цвета кожей, темно-синими глазами и шелковистыми волосами, которые блестели на солнце, как серебро.

Мероэ была для Габбы тем, чем бывает для выздоравливающего от долгой болезни первый солнечный луч. Когда Габба лежал привязанный к твердой доске и, несмотря на страшные муки, не решался плакать, боясь Базилида, Мероэ усаживалась около него со своей куклой и так долго играла и шутила, пока на посиневших губах Габбы не появлялась улыбка.

Когда Мероэ подросла, она оплакивала вместе с Габбой его печальную участь и старалась, как могла, утешить его. Однажды, когда, в наказание за его упрямство, его заставили дольше обыкновенного лежать на доске, Мероэ воспользовалась отсутствием мучителей, чтобы своими острыми зубками перегрызть его шнуры. Базилид беспощадно избил обоих детей, и Габба, который уже привык к побоям, страдал только за Мероэ.

Она ни одним звуком не выразила раскаяния. И вот опять перед ним та, которая в его жалком детстве была единственным лучом любви и сострадания. Он бросился к ней, чуть ли не рыдая от радости. Голос его утратил всю свою резкость и насмешливость. Он упал перед ней на колени и прижал ее руки к своей задыхающейся груди. Мероэ тупо взглянула на него. Она его не узнала. Потом она провела рукой по глазам уставшим движением и вдруг вся восторженно вскрикнула.

– Молчи, он, кажется, зовет меня. Я должна идти, удары его бича ужасны, и кровь... кровь...

Она вздрогнула и застонала.

Габба с ужасом глядел на дикое выражение ее глаз.

Он видел в бледных чертах ее лица страшные следы голода, которым Базилид приручал всех своих слуг: зверей и людей. Сквозь легкое одеяние Мероэ видны были на ее спине кровавые следы бича. Что сделал он из Мероэ, его маленькой дивной Мероэ, которая умела так задушевно смеяться!.

Базилид наблюдал за ними с глухой злобой. Но пока он не тронет Габбу. Дело шло о слишком важном. Но потом...

– Сюда, Мероэ, – сказал он с необычной мягкостью.

Еле передвигая ноги, она дотащилась до него и склонилась так низко, что пряди волос коснулись земли.

– Что прикажешь, господин.

– Готова ты к обряду жертвоприношения?

Ее тело затрепетало от ужаса.

– Пощади, повелитель, – простонала она прерывающимся голосом. – Ты видел, как тяжело мне было в прошлый раз. Когда теплая струя крови течет мне в горло, мне кажется, что адский пламень сжигает мне сердце. Все кружится около меня. Лучше умереть, лишь бы не этот ужас...

Она с мольбой опустилась перед ним на колени. Базилид грубо поставил ее на ноги.

– Ты смеешь возражать, негодница! – крикнул он. – Слишком долго щадил я тебя. Подумай какая у меня власть.

Она снова вздрогнула и наклонила голову с безмолвной покорностью.

Базилид с торжествующим видом кивнул головой и вынул из ниши в стене маленький кувшин, в котором была прозрачная, как вода, жидкость. Он налил несколько капель в бокал и подал его Мероэ.

Она с жадностью выпила и, ощупывая дорогу, вернулась обратно на свою львиную шкуру и, упав на нее, уснула глубоким сном.

– Раньше чем через час она не проснется, – сказал Базилид сыну с улыбкой. – Надеюсь, ты уделишь мне это время. Ну, а теперь, скажи мне наконец, что от меня требуется.

Габба не мог прийти в себя. Бедному калеке, которого все обижали, казалось, что не может быть ничего прекраснее и чище его Мероэ, подруги его детства.

Габба, шатаясь, последовал за пророком в переднюю часть пещеры.

– Ты видел Мероэ, – сказал Базилид, когда Габба сел, – и теперь можешь мне поверить, что я в состоянии удовлетворить всем требованиям Веспасиана. Скажи же, в чем дело.

Габба передал поручение Агриппы. Когда он закончил, глаза пророка засверкали торжеством.

– И сколько, говоришь ты, мне заплатит Агриппа?

– Годовое жалованье прокуратора, – ответил Габба.

Базилид щелкнул языком.

– Пусть придет твой Веспасиан, – смеясь, сказал он, – бог Израиля благосклонно примет жертву язычника.

Он вышел приготовить алтарь. Габба прокрался снова за занавес и присел возле спящей девочки. Он осторожно проводил пальцем по ее щеке, по благородной линии руки и шептал с восхищением и ужасом.

– Мероэ!

Он боялся за нее.

Глава VI

– Посмотри, Агриппа, – сказал, указывая на море, молодой римлянин, носивший знак императорского легата. – Видишь этот маленький корабль с ослепительным парусом? Он рассекает волны, как пламенный конь рассекает воздух, и обходит искусно все подводные камни. Я бы хотел знать, кто в нем. Корабль словно хочет нас обогнать и, очевидно, спешит, как и мы, к Кармелю.

Агриппа тревожно взглянул на корабль, который все время шел почти рядом со всадниками, ехавшими вдоль берега, и теперь приближался к скрытой у подножия Кармеля бухте. Он знал, что Береника хочет этим путем опередить Веспасиана.

– Это, верно, какой-нибудь купец везет свои товары, – ответил он с напускным равнодушием, – или богомолец, задолжавший жертву богу.

Тит с сомнением покачал курчавой головой и приподнялся в седле, чтобы лучше рассмотреть корабль.

– Верно, твой взор уже потускнел, – сказал он, смеясь, – или сердце стало равнодушным. Неужели ты не можешь отличить женщины от жалкого продавца или ползающего на коленях богомольца. Под мачтой лежит женщина на пышном ковре; она задумчиво опустила руку в голубые волны, и я готов поклясться всеми богами, что она красива. Светлые волосы сверкают на солнце, как корона, а рука у нее узкая и белая.

– Однако, Тит, ты полон мыслей о богине, рожденной из пены морской, – сказал Агриппа с легкой усмешкой. – Один вид показавшегося вдали края одежды или выбившейся из-под платка пряди волос волнует твою кровь...

Тит поехал с Агриппой вперед, оставляя позади себя тяжеловесное шествие Веспасиана. Он прищепил теперь своего горячего коня, тот взвился на дыбы и помчался вперед, как стрела.

– Если твой каппадокийский конь, – задорно крикнул Тит царю, – в самом деле 429 раз одержал победу в Антиохии, как ты прежде похвалялся, так докажи теперь его удаль. Кто первый примчится туда, где причалит корабль? Мне хочется взглянуть в лицо отважной мореплавательнице.

Агриппа неохотно поскакал за ним. Он знал, как Береника любила очаровывать чужих, окружая себя ореолом, на вид совершенно случайным, но подготовленным до малейшей подробности. Стремясь опередить римлян в Кармеле, она, наверное, следовала заранее обдуманному плану, а непредвиденное вмешательство Тита могло все испортить. Но как удержать его?

Молодой легат был отличным наездником, и Агриппа невольно восхищался силой и дикой мощью его движений. Но когда он увидел, что только маленькая роща отделяет стремительно несущегося Тита от бухты, в которую входил корабль, он выпрямился на седле и громко свистнул. Туск, его конь, на минуту остановился как вкопанный, потом вдруг ринулся вперед и могучими прыжками, которыми стяжал себе славу непобедимости, промчался мимо Тита. Тит крикнул от изумления и задетого самолюбия и прищепил своего коня. С громким ржанием гирпинский конь закусил удила. Началась бешеная скачка.

Береника заметила всадников.

– Я отпущу вас на волю, – крикнула она гребцам, – если мы причалим к берегу раньше, чем они.

Гребцы налегли на весла, и маленький корабль помчался вдвое быстрее. Царица стояла у мачты, гордо выпрямившись, и следила за всадниками.

Кто победит, иудей или римлянин, Агриппа или Тит? Ей казалось, что от этого зависит ее судьба и судьба ее народа. Корабль входил уже в спокойные воды бухты, когда из-за деревьев на берегу стали мелькать все ближе и ближе белые развевающиеся одежды всадников.

На минуту губы ее стиснулись, потом она расхохоталась диким торжествующим смехом. Агриппа был впереди. Он победил.

Но Тит скакал за ним следом и может застигнуть ее здесь. Она иначе представляла себе их первую встречу.

Корабль врезался с треском в каменистый берег. Береника быстро спрыгнула на берег, приподняв одной рукой край длинной одежды.

– Назад, – крикнула она гребцам и стала быстро взбираться на ближайшую скалу, куда всадники не могли последовать. Наверху она, тяжело дыша, опустилась на траву и посмотрела вниз. Как медленно отчаливает от берега корабль с гребцами. Если Тит успеет настигнуть их у берега, он узнает, что женщина, которая бежала от него, Береника.

Та же мысль пришла в голову и Агриппе. Нужно было во что бы то ни стало задержать Тита.

У последнего поворота что-то загородило им путь. Это было огромное широколистное дерево: Дождь и весенние воды, вероятно, размывли почву, и недавняя гроза повалила его. На озабоченном лице Агриппы показалась улыбка. Ему вспомнилась уловка Авла Виталия на состязании с цезарем Нероном. Побеждать властителя мира было опасно и принесло бы скорее смерть, чем почет. Когда они приблизились к дереву, Агриппа вдруг вонзил шпоры так глубоко, что брызнула кровь. Конь взвился, но в тот момент, когда он уже поднялся над деревом, Агриппа дернул его назад и бросился с лошади на землю. Туск перекувырнулся и упал с треском в густые ветви, ломая все вокруг.

– Что случилось, Агриппа? – крикнул Тит, останавливая своего коня.

Агриппа украдкой посмотрел на бухту, маленький корабль уже далеко отплыл от берега, Береники не было на нем. Облегченно вздохнув, он поднялся и, встретив озабоченный взгляд молодого легата, шутливо сказал.

– Что со мной, Тит? Я благодарю богов, что они не позволили моей отваге забыть долг гостеприимства. Ведь я так горжусь моим Туском, что чуть было не позволил себе опередить гостя. Но я должен извиниться перед тобой за то, что, быть может, испортил тебе, хотя и нечаянно, приятное приключение. Кажется, красавица исчезла; по крайней мере там, на корабле, я ее не вижу.

– Она, вероятно, вышла на берег, – сказал Тит, и тем легче будет нам найти ее.

– Как, ты все-таки хочешь?.. – пробормотал Агриппа, растерявшись.

– Конечно, – надменно возразил римлянин. – Только вечные боги могут удержать Тита от того, что он задумал.

Тем временем подросла свита царя и помогла Туску подняться на ноги. Благородное животное стояло все в поту и дрожало, странным образом совершенно не пострадав от внезапного падения.

Тит смотрел на Туска восторженными глазами.

– Какой конь! – воскликнул он в восхищении. – Я невольно останавливался среди скачки, чтобы посмотреть как он берет препятствия. Какие мускулы, какая сила! Клянусь богами, Агриппа, твой Туск достоин носить на спине властителя мира.

– В таком случае мне пора, – ответил, засмеявшись, царь, – отказаться от него. Надеюсь, ты мне позволишь, благородный Тит, – продолжал он, благоговейно преклоняясь перед молодым легатом, как это было предписано на приемах цезаря, – преподнести его тому, кто мне кажется предназначенным самими богами стать властителем мира.

Он взял поводья и вложил их в руку невольно отступившего римлянина.

– На колени, Туск, – крикнул Агриппа, глядя гриву благородного коня и прищелкивая языком.

Туск радостно заржал и опустился на колени.

– Агриппа! – воскликнул Тит, притворяясь разгневанным, и яркий румянец залил его прекрасное лицо. – Ты льстишь мне.

– Неужели, – ответил серьезно царь, – выражать то, чего жаждет душа, значит льстить?

Тит ничего не ответил, глаза его жадно засверкали. Он взглянул на Туска, потом вдруг, следуя внезапному порыву, вскочил на коня. Тот, как будто понимая речь Агриппы, гордо вытянул стройную шею и стал бить копытом землю. Молодой легат сидел в величественной позе на коне, и в чертах его, в особенности в резко очерченном подбородке, обозначилось выражение властной жестокости, скрытое обыкновенно мягкостью молодого лица. Агриппа, очевидно, коснулся чего-то глубоко затаенного в душе Тита. Отец его Веспасиан, бывший когда-то простым солдатом, стал римским полководцем; имя его все произносили с восторгом и преклонением. Почему же Титу, его сыну, не подняться на плечах своего отца еще выше, почему бы то, что удалось Юлию Цезарю и Октавию-Августу, не удалось Титу? Да, Тит достигнет вершины славы, и могучие крылья молодого орла поднимут вместе с собой и Агриппу. Весь мир будет лежать у их ног. Ведь умер же Британник, который должен был, согласно воле отца своего Клавдия, быть цезарем вместо Нерона. В Риме легко умирают...

Царь отвлекся от своих мыслей, когда увидел, что Тит сошел с лошади и передал ее офицеру своей свиты. Потом молодой легат подошел к воде и громко стал звать назад гребцов Береники.

– Я хочу спросить их, – сказал он, указывая на маленький корабль, – кто та красавица, которая так лукаво от нас ускользнула.

Но никто из гребцов не откликнулся. Тит тщетно повторил свой приказ; он гневно топнул ногой, пальцы его сжались в кулаки.

– И все-таки, – проговорил он, – я это узнаю. Прошу тебя, Агриппа, – обратился он к царю, – останься здесь с моими людьми, подожди отца.

– Неужели ты хочешь один?...

– Там, где женщина может одна бродить по лесу, там не может грозить опасности, – засмеялся Тит, устремившись вверх по узкой тропинке.

В кустах что-то зашевелилось, и послышались звуки, похожие на серебристый смех лесной нимфы.

Тит остановился, потом быстро пошел вперед. Агриппа насмешливо глядел ему вслед.

* * *

Солнечные лучи редко проникали сквозь чащу лавровых и оливковых деревьев, создающих вокруг святого источника пророка Илии густую тень и таинственный прохладный полумрак. И даже проникая в чащу, лучи не доходили до дна источника. Но поднимающиеся на поверхности пузырьки воздуха блестели, как серебряные капли в полосах света, и лопались, бесследно исчезая.

Береника лежала у края источника и бросала в воду лавровые листья, падавшие ей на колени.

Вдруг совсем рядом раздались чьи-то шаги. Она повернулась в ту сторону, откуда доносился их звук.

По огромной каменной глыбе, от подножия которой источник спускался в долину, за маленькой лесной опушкой, покрытой сочной зеленью, шел, внимательно озираясь по сторонам, тот, кто побудил ее отправиться на гору Кармель.

Лежа в траве, озаренная скользящими лучами, она мысленно сравнивала двух людей, с которыми ее столкнула судьба. Регуэль и Тит. Она уже знала, как разделить между ними свою жизнь. Одному из них, соплеменнику и единоверцу, ее возлюбленному, будут принадлежать ее сердце, ее обольстительный смех, теплое пожатие руки, быстрое биение сердца – все, что есть высокого и прекрасного в ее душе. Другому, римлянину, она тоже будет отдавать сердце, но не преданное и верное, а расчетливое и хитрое. Его она тоже будет встречать улыбками, но заученными поутру перед зеркалом. Береника, женщина с любящей мягкой душой, будет женщиной для одного Регуэля; для Тита она будет Дианой, которая видит, что красота ее губит Актиона, и рада этому. Подобно Юдифи, она будет наряжаться, когда пойдет убивать!..

Как опытный охотник, он искал следы ее ног на мягкой земле и на пышном ковре травы.

Подняв глаза, она увидела, что Тит уже совсем близко. Ее отделял от него только могучий ствол дерева, под которым она лежала. Тогда незаметным движением она положила голову на камень, обросший темным мохом. На нем золотистый цвет ее волос выделялся ярким сиянием. Маленькая ножка в римском башмаке немного выдвинулась из-под края длинной одежды. Тонкую белую руку она опустила вниз и закрыла глаза так, что длинные черные ресницы бросали тень на матово-бледную щеку. Потом она полуоткрыла губы, улыбаясь, как ребенок в счастливом сне. Грудь ее ровно и мерно поднималась и опускалась под мягкой прозрачной белоснежной тканью.

Она слышала его приближающиеся шаги и бросила быстрый взгляд из-под опущенных век. Она видела изумленный взгляд Тита и с тайной радостью и легким волнением следила, как сменяются чувства на его лице. Изумление перешло в восхищение, а восхищение в страсть.

Она показалась ему Дианой, отдыхающей у тихого ручья. Что-то непонятное, никогда не испытанное, теснило ему грудь, останавливало дыхание. Кровь, отхлынувшая от сердца, бросилась в голову. В сравнении с пышностью этого тела что значила незрелая красота Арицидии Тертуллы, его первой жены. Он взял ее в жены почти ребенком, и она умерла через некоторое время. Какой ничтожной казалась ему теперь ледяная красота Марции Фурнилы, гордой дочери римского сенатора. Она теперь в Риме едва ли тоскует о далеком супруге. Она не стала ему ближе, даже когда у них родилась дочь.

Выросший в обществе Британика, Тит давно уже понял сущность римской красоты, купленной у продавца косметических товаров. Театральная мишура внушала ему отвращение. Но здесь...

Он осторожно отодвинул листву, подкрался к спящей женщине и опустился около нее на колени, вглядываясь в ее сияющее красотой лицо.

Береника почувствовала горячее дыхание на своем лице, но осталась неподвижной; она только улыбалась еще обольстительнее.

Тит, горя страстью, нагнулся и поцеловал спящую женщину. Губы ее страстно потянулись навстречу, и руки обвили его шею. Он прижал ее лицо к своему дрожащими руками и вскрикнул, охваченный диким восторгом.

Она проснулась и взглянула ему в глаза, потом вскрикнула и оттолкнула его, но он быстро вскочил на ноги и охватил сильной рукой ее стан. Она рванулась, чтобы убежать, но он удержал ее.

– Теперь ты в моей власти, отважная мореплательница, – прошептал он, – и, клянусь Юпитером, во второй раз ты не убежишь от меня.

Снова он приблизил свои губы к ее губам. Но та, которая его сначала любовно обнимала во сне, а потом гневно оттолкнула, теперь лежала неподвижно в его объятиях и смотрела на него широко раскрытыми глазами, бледная и бесстрастная. Он отпустил ее.

– Почему же ты меня не целуешь? – спросила она. – Ты видишь, я не сопротивляюсь с тех пор, как тебя увидела.

– С тех пор, как меня увидела? – переспросил он с удивлением.

Она засмеялась и откинула волосы назад.

– Я увидела, что ты римлянин, – проговорила она. – Почему же римлянину не напасть на беззащитную женщину? Почему бы ему сдерживать свою похоть и отказываться от чего-либо, что ему хочется? Ведь все мы презренные существа, с которыми вы можете поступать, как вам захочется.

Ее насмешливый тон оскорблял его.

– А что, если я так и поступлю, – сказал он, снова приближаясь к ней.

Она выпрямилась и смерила его изучающим взглядом.

– А ты свободный человек? – спросила она.

– Странный вопрос, – сказал он удивленно.

– Только свободный человек имеет право коснуться свободной женщины, – сказала она резко.

– Римляне свободны.

– Римляне? – переспросила она со смехом. – Конечно, вы считаете себя господами мира, а все-таки в Риме есть человек, пред которым все вы, гордецы, пресмыкаетесь.

– Цезарь... – пробормотал он, пожимая плечами.

– Да, цезарь. Одного только цезаря я и считаю свободным. А ты цезарь?

– Что, если бы я им был?

– Твои слова доказывают, что ты не цезарь. Тот бы не спрашивал...

Она равнодушно отвернулась и прислонилась к стволу дерева.

Он боролся с влечением страсти, охватившей его так внезапно, но гордость в нем оказалась сильнее страсти, и он отступил.

Береника это заметила и знала, что если он уйдет, то ее дело будет проиграно.

– Уходи, – резко сказала она.

Ее дерзость привела его в бешенство. Одним прыжком он очутился около нее.

– А что, если я не уйду, – проговорил он, задыхаясь, – если я тебя заставлю покориться мне, как ты готова покориться цезарю. Что, если ты будешь принадлежать не цезарю?

Как прекрасен он был в своей страсти, как дрожали его руки! Он стоял, готовый броситься на нее.

Она медленно отступила и подошла к воде.

– Там, в глубине, покойно и тихо, не правда ли? – проговорила она беззвучно.

– Ты хочешь... – сказал он взволнованным голосом.

– Разве этот родник не чище рук несвободного? Он вольный сын гор. Лишь спустившись в долину, он смешивает свои воды с чужими... Я уже сказала: только рука свободного может коснуться царицы.

– Царицы?

– Ты не веришь, конечно, – перебила она. – Да как тебе поверить? Ведь ты римлянин, ты видишь царей, только когда они появляются, окруженные блестящей свитой, в Риме поклониться императору. Что же это за царица, которая одна, без свиты и телохранителей, бродит по горам? Не так ли? Но знай, иудейские царицы не походят на других: они не любят льстить язычникам из-за мимолетных выгод.

– А Друцила, сестра Агриппы, вышла ведь замуж за римского прокуратора Феликса.

– Она полюбила его.

– Ну, так полюби меня...

Он сказал это, смеясь, и все-таки в его шутливом тоне слышалась глубокая страсть.

Она взглянула на него с насмешкой.

– Ты хочешь, чтобы Береника...

Он вздрогнул, и величайшее изумление выразилось на его лице.

– Береника! Так это ты была...

Она кивнула головой.

– Это ты была в корабле, за которым я мчался?

– Значит, ты тот римлянин, которого я видела на берегу рядом с Агриппой? – равнодушно спросила она.

Его снова оскорбил ее тон. Он гордо назвал себя.

– Я – Тит!

– Тит? – переспросила она с пренебрежительным равнодушием. – Кто это Тит?

– Тит – сын Флавия Веспасиана, – резко сказал он. – Имя отца ведь ты слыхала?

Она не изменила тона.

– Веспасиан, – повторила она, как будто припоминая что-то. – Ах да, это посланный Нероном полководец. Он хочет завоевать Иерусалим.

– Он его завоеует.

– Да?

Он гневно топнул ногой. Она не обратила на это внимания и медленно сказала, как бы только для того, чтобы не молчать:

– Так ты – Тит. И больше ничего. Только сын Веспасиана?

– Германия и Британия могли бы тебе рассказать о подвигах Тита, а Галилея и Иудея, надеюсь, будут помнить тот день, когда Тит переступил их границы.

Она не расслышала последних слов.

– Германия и Британия? Ах да, это какие-то дикие страны на севере? – Она подняла руку и потянулась за висящим над головой листом.

Он почувствовал скрытую иронию в ее словах и не мог сдержать закипавшей злости.

– В чем цель твоих вопросов, – проговорил он, – и этого тона? Ты хочешь вывести меня из терпения или оскорбить? Не забудь, что я римлянин, а римляне умеют мстить.

Он схватил ее руку и насильно опустил ее, глядя прямо в глаза. Береника выдержала его взгляд.

– Разве римляне мстят и женщинам? – медленно проговорила Береника.

Она улыбнулась, когда он отпустил ее руку. Его замешательство росло. Сначала она казалась ему только прекрасной, прекраснее всех, кого он знал и чьей любви добивался. Теперь же он увидел, какой мощный дух в этом прекрасном теле. Станный, жестокий, своевольный и обаятельный дух. Береника казалась ему подобной таинственному богу ее народа, неприступному, холодному... Но она не была холодна, когда отдавала свои губы его поцелуям. Это было во сне, и она думала о ком-нибудь другом. Кто же был тот, кому предназначалась любовь этой божественной женщины? Им овладело страстное желание узнать его имя. Не в силах сдержаться, он спросил об этом Беренику.

Она не подняла глаз и, сорвав листик, стала тереть его в руках. Мягкая мечтательная нега разлилась по ее лицу. Она снова показалась ему такой же обаятельной, как в первую минуту, когда он увидел ее спящей. Он не мог отвести от нее глаз.

– Кого я люблю? – повторила она задумчиво. – Да разве я сама это знаю?

– Но когда ты спала, – проговорил он смущенно, – ты так потянулась ко мне, как девушка, которая ждала своего возлюбленного...

– А если бы я тебе сказала, что было бы?

Станный гнев овладел им.

– Я бы этого человека... – вспыхнул он и вдруг остановился, увидав, что Береника смеется.

– Неужели так легко овладеть твоей любовью? – проговорила она с насмешкой. – Ты отдаешь ее первой встречной женщине, которую увидел в лесу. Ну да, темные глаза и золотистые волосы! Бедный мальчик. Береника может полюбить только одного человека.

– Кто он?
– Цезарь, – ответила она, глядя ему прямо в лицо.
Он с изумлением взглянул на нее.
– Цезарь? – пробормотал он. – Нерон?
– Разве Нерон цезарь? – спросила она в ответ.
– Я тебя не понимаю.
– Да разве я себя понимаю? Я не о таком цезаре говорю. Пред ним весь мир склоняется, а он все-таки дрожит, боясь кинжала кого-нибудь из своих рабов. Мой цезарь не таков.
– Каков же он?..
Она посмотрела куда-то вдаль.
– Быть может, он еще не родился, – проговорила она задумчиво.
Он не знал, что думать о ней; его ослепляла ее душа, ежеминутно менявшая свой цвет. И все-таки его влекло к ней, как бабочку, которая летит на огонь и сгорает.
Наступило долгое молчание, только слышны были журчание ручья и жужжание жуков. Издали раздался громкий звук труб.
Это означало, что Веспасиан прибыл на Кармель и приближался к алтарю иудейского бога.
Береника поднялась и направилась к опушке леса.
– Куда ты? – спросил Тит.
– Посмотреть на римлянина перед алтарем нашего бога, – ответила она с усмешкой. – Если хочешь, можешь идти за мной.
В один миг он подбежал к ней и заглянул в ее спокойное лицо.
– Ты еще гневаешься на меня, Береника? – спросил он мягким, вкрадчивым голосом.
– За что? За то, что ты поцеловал меня во сне? Я уже об этом забыла.
– Будет время, когда ты об этом вспомнишь, – сказал он мрачно.
– Вот как?
– Да. Это будет тогда, когда Рим украсит меня вот этим за разрушение Иерусалима, – ответил он, вынимая лавровую ветвь, которую Береника не заметила раньше.
Она посмотрела на нее и побледнела.
– Лавровая ветвь... – пробормотала она. – Где ты нашел ее?
Он с некоторым удивлением взглянул на нее.
– Ручей пронес ее мимо меня, когда я выслеживал исчезнувшую мореплавательницу.
Она сжала губы и пошла вперед. Глубокая складка легла между ее тонко очерченными бровями, придавая лицу что-то демоническое. Он не обратил на это внимания, думая все время только об одном: кого она любит?
Когда они приближались к поляне, где был сооружен алтарь, Береника вдруг обернулась к Титу.
– Отдай мне ее, – глухо проговорила она и потянулась за веткой.
– Зачем?
– Эта ветка моя, я бросила ее в ручей. Значит...
Быстрым движением он спрятал ветку за спину.
– То, до чего дотронулась рука Береники, – сказал он с улыбкой, – драгоценно для Тита. Я ни на одну минуту не расстанусь с твоей веткой.
– Все-таки я требую отдать ее. Она предназначена не тебе.
– А кому?
– Победителю!
– Значит, мне.
В ее упрямстве было для него что-то обаятельное. Она капризничала, как ребенок.
– Когда же ты мне ее отдашь? – спросила она.

– В тот день, когда уста Береники прильнут к устам Тита.

– Никогда.

Они вышли на широкую поляну. Навстречу им шел Агриппа. Он удивленно смотрел на них.

Тит рассказал царю, где они встретились, но не сказал о том, что между ними произошло.

Когда Агриппа после обратился к сестре, прося объяснений, она только пожала плечами. И все-таки Агриппа успокоился, потому что Береника странно улыбалась, когда она останавливала свой взгляд на Тите. Когда Береника так смеялась...

Глава VII

Воины Веспасиана окружили опушку леса широко раскинутым кругом. Их щиты и копья сияли в солнечном свете. Веспасиан вместе с Агриппой и Титом стояли у алтаря. Недалеко от полководца двое слуг держали на пурпурных шнурах двух годовалых козлов и тельенка. Принося их в жертву, Веспасиан надеялся снискать благосклонность единого Бога и отвлечь его благоволение от избранного народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.